

МАКСИМ
ДУЛЕНЦОВ

Урал-
БАТЮШКА

Земля забытого бога

Урал-батюшка

Максим Дуленцов

Земля забытого бога

«ВЕЧЕ»

2018

Дуленцов М. К.

Земля забытого бога / М. К. Дуленцов — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-7745-4

В Пермском крае популярна легенда о том, что основатель одной из древних религий пророк Заратустра появился на свет в месте слияния двух уральских рек, одна из которых носит древнее санскритское название Кама. Утверждают это и некоторые учёные... Главный герой романа, увлеченный черной археологией, случайно находит книги VII века, в которых говорится, что древний клад Сасанидов существует в действительности. Но и околонуточный делец Садомский, в глазах которого пермская земля выглядит как кладовая утраченных сокровищ, которые следует извлечь и выгодно продать, организует экспедицию черных копателей к Бутырскому городищу. Однако земля, на которой мы живем и о которой так мало знаем, умело хранит древние тайны, способные перевернуть всякие устоявшиеся представления о путях развития человечества...

ISBN 978-5-4484-7745-4

© Дуленцов М. К., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Дуленцов

Земля забытого бога

В качестве первой из лучших местностей и стран создал я, Ахура-Мазда, Арианам-Вайджа у прекрасной реки Датия. Но там создал злокозненный Ангро-Манью в качестве бича страны выводок рыжеватых змей и ниспосланную дэвами зиму.

Авеста: Видэвдат. Стих 2¹

Знак информационной продукции **12+**

© Дуленцов М.К., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

Тёплым майским днём, что необычно для дождливого и ветреного в это время Санкт-Петербурга, в окрестности Сенатской площади в довольно старом уже заведении индийской кухни сидели два вполне респектабельных человека. Один был в хорошем деловом костюме от итальянского кутюрье, может быть даже «Бриони», с чуть седеющими черными волосами, аккуратно прибранными опытными руками стилиста. Белая рубашка сверкала безукоризненной чистотой, галстук по моде, на ботинках, несмотря на прошедший утром дождь, не было ни пятнышка. В петлице пиджака красовался миниатюрный знак в виде белого ромба с синим крестом, он не бросался в глаза, но подчёркивал статус владельца. Присмотревшись, знатоки смогли бы определить в нем знак окончания университета, но не тот, советский, а довольно старый, периода империи. Но знатоков в окружении не было, заведение вообще казалось пустоватым. Лишь пара залетных вездесущих туристов сидела поодаль за столиком, с любопытством читая меню на русском и оглядывая интерьеры.

Это расслабляло двух посетителей, что довольствовались по правилам лишь оловянным чайничком с ароматным чаем, который сдабривали молоком из серебряного сливочника по всем традициям давно ушедшей Викторианской эпохи. Черты лица первого были крупны, складки пролегали по лбу и чисто выбритым скулам, придавая ему вид довольно мужественный, и в то же время утончённый. На тонких пальцах ногти недавно подверглись процедуре маникюра. На пальце левой руки виднелся перстень старинной работы, но очень тонкой, такой, что казался одним целым с пальцем. Голос человека был тих, но наполнен низкими звуками уверенности и авторитета.

Второй же собеседник был полноват, немного неряшлив в одежде, но наряд его также был подобран с толком: дорогие джинсы, выглаженные недавно, сиреневая рубашка с высоким расстегнутым воротником и джемпер, на котором явственно была видна марка дорогого дома высокой моды. Лицо его выглядело чуть одутловато, глазки маленькие, толстые пальцы были унизаны перстнями крупного размера, из-под рукава рубашки нагло выглядывали массивные золотые часы. На лице его часто играла улыбка, видно, что в данный момент человек был в хорошем расположении духа и с интересом слушал собеседника, иногда вставляя полновесные фразы и щелкая толстыми пальцами. Беседа велась о разном. Первый, щёголь, поставив чашку на блюдце, говорил:

– Вот представьте, милейший, что истории не преподают в учебных заведениях. И что изменится? Да ничего! Ведь что такое история? Наука? Возможно, но любая наука для чего-нибудь нужна. А для чего нам нужна история?

Второй собеседник хмыкнул, защёлкал пальцами, подбирая слова.

– Не трудитесь, любезнейший, я знаю, что вы скажете: история, мол, учит нас не повторять ошибок. Так?

Последовал удовлетворённый кивок головой.

– Не думаю. Приведите примеры, когда на исторических ошибках учились? Когда те люди, которые отвечают за политические процессы, воспользовались знаниями и аналитикой ученых, скрупулёзно собирающих факты и их интерпретирующих? Когда политика хоть раз опиралась на историю? Молчите? Ну а я приведу вам отрицательные примеры. Вот возьмем хотя бы нынешние события. Произошла аннексия Крыма. Да, да, милейший, аннексия, и ничего другого. Опустим покамест, для чего это было надо, займемся историей. Не буду далеко ходить, вспомните девятьсот восьмой, чуть более ста лет назад, аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Что потом? Правильно, Первая мировая. Идем дальше, тридцать восьмой, аншлюс, а я бы снова назвал это аннексией Австрии Германией. Потом, как вы помните, Вторая мировая. История дает подсказки! Но вот этих подсказок никто не видит.

– Но, мне кажется, были и другие примеры аннексии без войны, – проговорил полноватый собеседник.

– Только по результатам предыдущих войн, – улыбнулся денди, – в виде контрибуций. Так вот, к чему это я: история, как наука, бесполезна. Она служит лишь для национальной идентичности, лозунгов политиков, типа: а мы за Русь постоим, как деды наши, или подобных им плебейских романчиков а-ля Загоскин.

– Это еще кто? – удивленно спросил собеседник.

– Это как Акунин, только на сто лет раньше, – улыбнулся удачно вернутому сравнению денди, – таким образом, рассматривать историю как науку не стоит. Тем более, исторические факты можно интерпретировать, как заблагорассудится власть имущим, за примерами и бегать далеко не надо – в Советском Союзе умело этим пользовались не далее, как двадцать с лишним лет назад. Да и сейчас практикуют. Не наука это – ремесло.

– Ремесло-то оно ремесло, да лишь бы деньги приносило, – ухмыльнулся толстый, отхлебывая чай.

– Да, если бы не деньги, давно бы бросил сие ремесло... – задумчиво произнес элегантный человек.

– Ну а что у нас новенького, кстати? Принесли что-нибудь? Или нарыли в загашниках?

– В загашниках сейчас рыть трудно стало, с той поры как поймали господ несунов. Да и подведомственные организации уже оскудели – всё вытащили, милейший. Пока ничего нового и интересного. Несут на оценку то явные подделки, то предметы, не имеющие никакой ценности. Тут еще скандал с поддельными картинами – некрасивая ситуация, но я коллег понимаю, на скудном рынке приходится как-то выживать. Сам таким не балуюсь – репутация дороже. А вы почему интересуетесь? Я слышал, ваша коллекция Фаберже хорошо ушла на «Кристис»? Помню, вместе нашли...

– Да, удачная сделка. Трудов, правда, стоило. Вывозили по новому каналу, старые захлопнулись, будь неладна эта Украина!

– Я слышал, что через Донбасс и вывезли?

– Тсс, – приложил палец к губам полный мужчина и довольно улыбнулся.

– После ужесточения нормативного акта о незаконных археологических раскопках еще и черные приуныли. Раньше нет-нет да принесут нечто увлекательное, а сейчас все боятся. Ну, это пока, скоро деньги понадобятся, потащат. Свободные деньги-то есть у вас, милейший?

– Как не быть, если что стоящее – всегда готов. Знаете же, что исторические ценности не дешевают. Хорошее вложение капитала.

– Знаю, вам-то капитала не занимать. Но пока пусто. Хотя...

Элегантный мужчина задумался, отпил чаю, посмотрел на собеседника, как бы оценивая, стоит сказать ему или нет. Тот заинтересованно наклонился к столу, защелкал пальцами.

– Ну, не томите, что там у вас есть? Гривны, серебро, иконы, картины? Вы ведь за ерундой не полезете, у вас всё ценное, я вас не первый год знаю. Всё, что вы советовали, подгоняли, так сказать, всё уходило за хорошие деньги. Что теперь?

– Теперь не совсем то, милейший, не совсем то, но очень интересное... Помните, у меня в Перми есть контактёр?

– Помню, у него пару раз брали звериный стиль, серебро, ерунду сущую. Еще гривны были, но это мелочи, не ваш уровень. Но если только это – ну и это возьму. Так что там у вас?

– Там, милейший, совсем не гривны. И даже не серебро. Там вот это, – денди вытащил из кожаного портфеля папку, осторожно положил ее на стол, развязал тесемки. В папке лежали листы формата А4 с текстом.

Толстяк разочарованно откинулся на спинку стула.

– Что это?

– Это перевод книги, которую прислали из Перми.

– Что за книга? Церковная? А где сама книга?

– Вот в том всё и дело, милейший. Книга у меня, само собой. Но книга не церковная. Прислали мне несколько, в основном, ординарные: Часослов, Евангелие конца семнадцатого века, а вот две других – это нечто! Одна четырнадцатого века ориентировочно, вторую не датировал. Нечто заключается в том, что к церкви они отношения не имеют. Это почти беллетристика того времени, но, как вы наверно знаете, беллетристику тогда писали не как сейчас, а по реальным событиям. Так вот тут перевод первой. Вторую переведу чуть позже.

– Ну и что там интересного? Как они оцениваются на аукционах, такие книги?

– Тут, милейший, дело не в цене. Дело в содержании.

– Расскажите, будьте так любезны.

– Я думаю, вам стоит почитать самому. Заодно оцените мой перевод с персидского.

– Она еще и персидская? Ну, это не мой профиль, я собираю русский антиквариат! Им иногда и торгую в свободное от работы время.

– Этой торговать не надо. Прочтите просто. Потом поговорим. Возможно, вас и вторая заинтересует, как литература, а не предмет купли-продажи. Прочтите, я советую вам.

Щеголь подвинул папку недоумевающему толстяку, предложил денег, но тот коротко помотал головой – мол, заплачу, все еще смотря на папку. Элегантный человек кивнул и легкой походкой вышел на майское солнце, направившись в сторону здания крупного музея.

Элегантного мужчину звали Станислав Николаевич Садомский. Происходил он из древнего, но обедневшего еще в Средние века дворянского шляхетского рода. После присоединения Варшавского княжества Александром Первым дворянство его было подтверждено грамотами, кои остались у предков и прорвались сквозь века в самом что ни на есть сохранном виде. В юности же, когда Станислав Николаевич блестяще учился в советской школе и ЛГУ, гордиться дворянским происхождением было не принято и даже опасно, а потом уже то, почти мифическое дворянство, душу не грело – хотелось известности и денег. Красный диплом исторического факультета ни того ни другого не дал, как и ветхая дворянская грамота, а острый ум и природное упорство плоды принесли, да только плоды, как казалось с высоты прожитых лет – а Садомскому было уже под пятьдесят – плоды были кислыми, маленькими и кое-где уже подгнивали. Начав с изнурительных археологических экспедиций в Среднюю Азию, которая была еще в составе СССР, Станислав Николаевич принес славу своим мощным научным руководителям, сам же получил только бесценный опыт работы лопатой. Но худа без добра, как известно, не бывает: за годы, проведенные под палящим солнцем Узбекистана за бесконечными чашками длинного ароматного чая с колоритными бронзовокожими узкоглазыми мужчинами в полосатых халатах, он выучил персидский, среднеперсидский и немного древнеперсидский, начал понимать еще с десятков наречий, на глаз определял подделки азиатских изделий, которые старательно втюхивали приезжим археологам те самые мужчины, стал хитро щуриться, от чего вокруг глаз у него набежали тонкие и очень сексуальные, по отзывам женщин, морщинки, а взгляд приобрел внимательно-недоверчивое выражение с долей ироничности. Написав пару никому не нужных научных статей, к концу периода «перестройки» Станислав Николаевич устал, вымотался, не достиг каких-либо высот в археологической науке, потерял вкус к такой жизни и совсем уж захотел жениться, что до этого за ним не наблюдалось, да тут неожиданно произошли большие изменения, как в стране, так и в его научной жизни. Во-первых, вместо коммунистической партии руководить страной стали деньги и имеющие их олигархи; те, что вовремя подсустились, подмазали стареющих коммунистов-функционеров и поделили с ними ничейное теперь, а до этого государственное имущество. Деньги страной стали править жестко, но законы их движения были более понятны Садомскому – деньги надо было ковать, не отходя от кассы, как говорили в классике советского кино, а в болоте, где у каждой бабушки дома стояла банка с купюрами, ковать их было легко, следовало лишь немного подумать. Во-вторых, король умер – да здравствует король! Старый знакомый

еще по азиатским экспедициям, человек со связями и давно обласканный чиновниками, но не имевший руля, перехватил власть, что была еще у его родственника. События маленького дворцового переворота, а именно так про себя с усмешкой называл назначение знакомого на пост руководителя крупного музея Станислав Николаевич, ему были до конца неизвестны, но последствия вполне устраивали – знакомый позвал его к себе. А что такое крупный музей? В первую очередь, это крупные деньги. Служить народу, с головой окунувшемуся в океан дикого капитализма, Садомский, конечно, не намеревался, но новая работа давала ему возможность вплотную приблизиться к людям, которые владели большими деньгами, такими большими, что находили для себя возможным тратить их на то, на что и надо тратить. История в виде артефактов – самое надежное вложение капитала испокон веков. А поскольку эти богатые люди имели только деньги, но не имели знаний, то им всегда требовался консультант. И консультант всегда имел долю от огромных сумм, которые крутились, крутятся и будут крутиться в очень закрытом мире настоящего антиквариата. Так кандидат исторических наук Станислав Николаевич Садомский на четвертом десятке лет осуществил свою юношескую мечту – он стал богат. Конечно, богатство – это относительная категория, но для него имеющегося достатка было с лихвой. Причем поскольку его клиентами были люди, уж совсем не считающие денег, то он не переступал через свои моральные принципы, как некоторые его коллеги – всегда есть соблазн выдать подделку за оригинал, тем более что клиенты ничего не смыслят в приобретаемых ими предметах и не пытаются даже узнать хоть толику. Правда, это больше относилось к клиентам из России и дружественных стран СНГ, иностранцы знали толк в том, что покупали. Еще того хуже – украсть. Станислав Николаевич прямыми кражами не занимался и их осуждал, в вверенном ему отделе музея недостатков не было, а если и были, всё вскрывалось, и виновные карались его властной жесткой рукой, не вынося сор из избы.

А вот на закон о черных копателях смотрел сквозь пальцы – еще не найденное украсть невозможно, считал он, осуждая про себя и власть, которая не выделяла денег на новые археологические экспедиции. «Раз деньги дают другие, стало быть, и находки их», – думал он, отгоняя от себя иногда возникающую мысль о морально-этической стороне этого промысла. Но промысел потихоньку угасал, артефакты, имеющие значительную стоимость, оседали в коллекциях олигархов, власть имущих, неизвестных в широких кругах иностранных подданных, поток иссякал, редкие перепродажи из одного закрытого дома в другой уже не грели душу, что-то новое не появлялось на широком горизонте знаний Станислава Николаевича. И наступил у него кризис жанра. Хотелось чего-то, а чего – Станислав Николаевич не мог сформулировать, занятый рутинной музейной работой и оценочной деятельностью. Но постепенно осознание стало приходить, оформляться из неверных образов в конкретные мысли, что вполне нормально для человека думающего и образованного. Садомский хотел славы. Конечно, его слегка корбило от того, что он, как все, живет по законам общества, описанным ещё Карнеги, но желание известности, признания было так сильно, что он поступался своими принципами идеального, неподвластного законам толпы существования. Осознание пришло, но методы достижения цели оставались недостижимыми.

Что он мог сделать для того, чтобы стать великим хотя бы в своей среде? Пост руководителя музея ему не светил, мешала нарочитая независимость и отсутствие элементарного лизоблюдства, а Трою уже откопал хитрец Шлиман еще до рождения тщеславного кандидата наук. Докторская степень ничего не меняла в жизни Садомского, таким образом, Станислав Николаевич мало что мог для удовлетворения потребностей своего эго и очень этим тяготился. Оставалось зарабатывать деньги на своем честном имени, известном в очень узких кругах богатых коллекционеров.

Войдя в стены старинного здания музея через служебный вход, Станислав Николаевич бодрым шагом поднялся к себе в отдел, кивнул сотрудницам женского пола, которые проводили его томными взглядами, и вошел в помещение запасников. Там, в углу на столе, под

старинной лампой его ждало то, ради чего он месяцы просидел со словарем у ноутбука, переводя подзабытые уже слова, нанизанные на старый пергамент персидской вязью неизвестным списчиком. Подойдя к столу, он с удивлением увидел своего сотрудника, серого человечка лет сорока, который выглядел на семьдесят, в запыленном пиджачишке и вытертых на коленках, давно не знавших утюга и химчистки брюках. Сотрудник увлеченно тыкал нос, одетый в огромные роговые очки, доставшиеся, видимо, еще от прадедушки, в пергамент лежащей на столе открытой книги и перебирал листы перевода, оставшиеся на принтере.

– Вадим Павлович, – с недоумением произнес Садомский, пытаюсь смягчать выражения, – что вы делаете у меня за столом?

Серый человечек Вадим Павлович, всем своим видом показывающий, что он неудачник в четвертом поколении, виновато поднял на Садомского глаза, в которых светилась научная мысль.

– Ой, простите, Станислав Николаевич, вот решил напечатать реестр, а тут на принтере ваши листки, прочитал случайно, вы уж не обессудьте, дорогуша...

Вадим Павлович начал судорожно собирать листы и попытался оформить их в пачку да уронил, листы рассыпались по всему полу. Садомский вздохнул и начал помогать собирать. Вадим Павлович работал в отделе еще при старом директоре. Хотя и прошло уже двадцать лет, как Садомский начал карьеру в музее, а тогда серый человечек был еще молод, но он всегда выглядел именно так – неопрятным, подслеповатым и увлеченным всяческими черепками. В научные экспедиции его не брали, потому что он был совершенно не приспособлен к жизни.

Поговаривали, что Вадим Павлович до сих пор живет со своей мамой и женщин сторонится, впрочем, как и они его. Единственное качество, за которое его ценили, в том числе и начальник отдела, это дотошность, с которой Вадим Павлович брался за любое поручение. Его черепки лежали в строгом порядке, датированные не только по времени прибытия в музей, но и достаточно точно по времени изготовления. Вадим Павлович мог с невероятной точностью, потратив на осмотр артефакта не более десяти минут, сказать, откуда он, дать датировку и рассказать, какие события истории этому предмету сопутствуют. Но, несмотря на энциклопедические знания, он всегда желал быть в тени; под научными статьями академиков, пользующихся его головой, подписи своей не требовал, хотел только одного – чтобы его не сократили случайно из отдела, в котором он практически жил.

– Станислав Николаевич, как у нас обстановка? – бормотал, не глядя на начальника, Вадим Павлович, собирая листы. – У нас нет сокращения? А то ведь время какое, кризис... Если что, я подпишу сокращение зарплаты, Станислав Николаевич, только оставьте, как же я без всего этого!

– Да не волнуйтесь так, Вадим Павлович, никого не сокращают пока.

– Вот именно, что пока. А как начнут? Кстати, уж простите за вопрос, а откуда у вас эта книга? – Вадим Павлович глазами из-под очков указал на старую книгу, лежащую на столе.

– Принесли. А что в ней такого, книга – список четырнадцатого века, состояние плохое, на среднеперсидском. Вы что, читали ее?

– Нет, нет, что вы, я просто взглянул, я же понимаю... Состояние не очень, пергамент крошится, я, конечно, не рискну... Но посмотрел ваш перевод, отличный перевод... Правда, есть неточности...

– Какие неточности, Вадим Павлович? – довольно резко осек серого человечка Садомский, к критике относившийся, как и всякий успешный человек, сугубо негативно.

– Две неточности, Станислав Николаевич, две, всего две, небольшие...

– Да что за неточности, милейший?

– Только немного неверный перевод, вот тут, на открытой странице, и вот у вас с принтера, вот тут в одном месте вы переводите как прошедшее время, а здесь ясно написано в настоящем, вот взгляните, покорно прошу...

Садомский взял свой листок с переводом, услужливо подсунутый Вадимом Павловичем, и перевел глаза на разворот книги. Серый человечек уже тыкал пальцем в вязь, указывая на место неточного перевода.

– Вот видите, это слово... Вот тут ошибочка. Это нормально, это все так ошибаются, все-таки мертвый язык и все такое, но, правда, не первый раз читаю, настоящее время, надо бы так перевести, а в основном безупречный перевод, литературный, я бы сказал, просто Пушкин вы, Станислав Николаевич.

Садомский внимательно посмотрел и в душе согласился с серым человечком. Упустил времена, забыл уже. «Старею», – с сожалением пронеслось у него в голове.

– И еще, Станислав Николаевич, это, безусловно, открытие, ваше открытие, это, безусловно, победа, о вас напишут в «Сообщениях государственного Эрмитажа», может, даже на английском языке...

– Это почему? – ошарашенно спросил Садомский, не понимая, куда клонит Вадим Павлович.

Вообще-то и книгу, и перевод он хотел по одной причине, знать о которой никому не было нужно, не выставлять на публику, надеясь заработать с помощью коллекционеров.

– Так вот вторая ошибка, Станислав Николаевич. Вот взгляните на написание букв, на чернила, вот в линзу, – подсунул Вадим Павлович огромную лупу, – конечно, надо бы еще исследования, для точности, надо бы конечно, но вот это дает нам право не утверждать, но сомневаться, да и пергамент...

– Короче, Вадим Павлович! – уже с нетерпением повысил голос Садомский.

– Не смею утверждать в качестве истины в последней инстанции, надо исследования, но... Книгу я бы лично датировал седьмым веком, да, именно седьмым, ну или восьмым, никак не позже.

Станислав Николаевич Садомский замер в недоумении.

– Вы уверены? Это не список?

– Я же говорю, нужна экспертиза... Конечно, радиоуглеродный анализ может запутать дело, да и портить артефакт придется... Но я бы датировал именно этим временем.

Письменные источники того периода были не просто редкость – огромная редкость! Да еще в таком объеме. Это было открытие, если тщательный Вадим Павлович не ошибся, конечно. В голове кандидата наук Садомского уже тихо звучали фанфары. Вот она, его Троя, вот, лежит перед ним уже давно, уже год, с тех самых пор, как он увидел Веронику.

Мысли о Веронике мгновенно отодвинули на второй план наполеоновские мечтания. «Что это, почему, вот книга, вот открытие, вот слава, почему опять она?» – вопрошал сквозь пелену видений Станислав Николаевич, тупо уставившись в разворот старинной книги. Серый человечек вежливо занялся перебором черепков.

История обретения книги была неразрывно связана с Вероникой. Станислав Николаевич никогда не был обделен вниманием женского пола, природное обаяние и стиль, опрятность и аккуратность привлекали к нему поклонниц, будь то сотрудницы отдела или студентки истфака на практике, просто случайные женщины, что обращали свой взгляд на элегантного мужчину за ужином в ресторане, где Садомский предпочитал бывать. Если бы он вел жизнь Казановы, то эта карьера была бы для него очень успешной. Но женщины его интересовали лишь как объект временного удовлетворения низших потребностей, чувство любви ему было незнакомо. Лишь изредка и на короткое время в его квартире на Шпалерной, бывшей коммуналке, выкупленной у многочисленных собственников и любовно превращенной в уютное и шикарное место созерцаний и раздумий по типу старых питерских квартир, появлялись особи женского пола, которые и хотели бы остаться и навести там свой порядок, да им это так и не удалось. После тридцати лет о женитьбе он ни разу не раздумывал, не думал и сейчас, но встреча с Вероникой что-то вывернула в его строгой и прибранной, как одежда в гардеробной, душе. Хотя для

Садомского душа было понятие сугубо мифическое, в загробную жизнь он не верил, как и в переселение душ, в церковь не ходил, считал, что жизнь – это то, что отмерено человеку и не более. Человек рождается и умирает, и после него остается лишь то, что он создал за короткий миг своего присутствия на этом свете. Видимо, поэтому он и старался получить всё, что желал, именно сейчас. Но Вероника внесла в эту стройную концепцию некоторые флуктуации, она никак не вписывалась в картину мира Станислава Николаевича. Он даже тяготился этим, пытаясь забыть моменты их общения, а забыть никак не получалось. Даже сейчас, когда удача и слава практически лежали в его руках, правда, не подтвержденные ещё радиоуглеродным анализом.

С Вероникой он познакомился в захолустном, но, по мнению его жителей, огромном, красивом и культурном городе Перми. Занесла его нелегкая туда по причине сугубо деловой: в сём славном городе жил Кирилл, любитель истории и старины малой руки, в местности своей считающийся отменным специалистом по Средним векам. Правда, в основном в кругах так называемых «черных копателей». Человек он был увлеченный, читал даже книги, по большей части практические – местные издания археологических экспедиций времен СССР, – почерпывая там необходимые сведения о местах, где можно чем-нибудь пожить, иногда успешно, иногда впустую. Заинтересовал он Садомского только потому, что как-то раз коллега перенаправил письмо от этого Кирилла, в котором тот просил оценить артефакт в виде серебряного блюда Сасанидов, что было им откопано, а скорее всего, украдено, как думал Садомский, на территории Пермского края. Блюдо было довольно ординарно, но в то же время имело некую культурную и денежную ценность, а кроме того, не фигурировало в списке умыкнутых ценностей музейной сети, что негласно распространяли музейные организации и МВД.

Станислав Николаевич благосклонно ответил молодому человеку, оценив предмет в треть стоимости, получил письмо того о желании за эту стоимость продать и в довесок изображения других имеющихся у Кирилла предметов, которые уже тянули на коллекцию. Заручившись поддержкой богатого коллекционера, Садомский выбил себе служебную командировку в пермский музей и лично посетил Кирилла с целью выкупить по дешевке все его предметы, а также проверить их на подлинность и узнать, откуда тут ноги растут.

Прилетев в Пермь тогда, он созвонился с Кириллом и условился встретиться с ним в одном из кафе в центре города вечером. Перед этим Станислав Николаевич по долгу службы посетил пермский музей, который его не удивил – провинции всегда славились бедностью. Лишь здание было красивым, старый купеческий дом, который, конечно, не мог вместить в себя даже ту минимальную коллекцию, что была в местных закромах. Побродив по улицам, наполненным пылью и людьми с суровыми уральскими лицами, Станислав Николаевич с трудом дождался вечера. Заказал кофе, от еды отказался, ибо не привык пробовать что-то новое, ему проще было воздержаться от ужина, чем экспериментировать на своем организме. Но кофе был неплохой, впрочем, с нынешними аппаратами, которые делают его сами, неплохой кофе мог быть где угодно. Кирилл появился на полчаса позже, Садомский поморщился: он не любил необязательных людей. Выглядел Кирилл обычным быдловатым толстым парнем, белый «ленд круизер», замаячивший у самого окна заведения, явно был его и подтверждал скоропалительные выводы Станислава Николаевича.

– Добрый день, я Кирилл, – запросто представился молодой человек и уселся, натужно изображая хозяина жизни.

Садомский усмехнулся, очень давно ему не приходилось встречаться с подобными людьми, в Питере и Москве продавцы ценностей в основном были старые интеллигенты в третьем, минимуме, поколении. Он склонил голову в приветствии.

– Ну что, как вам у нас? – Кирилл подозвал официантку, толстым пальцем ткнул в несколько позиций меню и добавил: – И водочки.

Затем, обратившись к Станиславу Николаевичу, утвердительно произнес:

– Сначала ужин, потом дела. Вы не возражаете, если к нам присоединится девушка? Отлично. Познакомился по интернету, что время терять, может, вечером и срастется чего. – Кирилл заговорщицки подмигнул.

Садомский, конечно, возражал, но деваться было некуда, и он откинулся на спинку дивана, маленькими глотками потягивая кофе и тягостно ожидая конца этого randevu. Но когда вошла Вероника, а это была именно она, Станислав Николаевич отставил чашку с остывшим напитком и больше не отрывал от нее глаз. Девушка лет двадцати восьми, стройная, в меру высокая, с вьющимися, когда-то русыми, а теперь выбеленными волосами, натуральный цвет которых, как сама природа, усиленно пробивался сквозь искусственные химические заграждения. Голубые глаза, обрамлённые вполне обычными ресницами, показались Садомскому крыльями махаона. Точеные черты лица и взгляд, который говорил о независимости и самостоятельности, об уме и взбалмошном нраве, о честности и неуверенности в себе. Она была чудо природы, невинность и разнузданность, кротость и властность, интеллектуальность и бесшабашность – все, казалось, было в ней.

– Вероника, – представилась девушка, внимательно оглядывая двух мужчин и невольно останавливая взгляд на Садомском.

– Кирилл, – поспешно обратил внимание на себя второй, – ты это, садись, не стесняйся, у меня фотка не своя в профайле, чё светиться, понимаешь? Это мой друг, э-э-э...

– Станислав Николаевич, – учтиво привстал Садомский, почему-то очень желая, чтобы Кирилл мгновенно исчез.

– Очень приятно, – сказала Вероника, аккуратно уселась на диван рядом с Садомским, достала из сумочки очки и надела их, рассматривая новых знакомых. Очки просто свели Станислава Николаевича с ума. Вероника показалась ему неземной женщиной. А когда взгляд его ненароком опустился ниже уровня стола, где из-под легкого платья выглянула удивительной красоты ножка, одетая в простую туфельку, то он забыл и о деле, по которому сюда прилетел.

Кирилл отпускал флиртующие шуточки, рассказывал о поисках кладов в лесах Прикамья, сыпал псевдонаучными терминами, закусывая водку очередным куском вонючего чесночного мяса, окидывая девушку похотливым взглядом, подмигивал Станиславу Николаевичу с недвусмысленным утверждением, что «ниче телка, вечер удался». Вероника же мило улыбалась, в основном молчала, пила зеленый чай и исподволь разглядывала Садомского. А тот не в силах уже был смотреть на нее от нахлынувшей неожиданной и никогда с ним не случавшейся страсти, забился в угол дивана и нарочито старательно рассматривал потолок кафе. Вскоре от Кирилла последовало предложение поехать в ночной клуб, а потом развлечься дальше. Садомский с ужасом ждал, что Вероника согласится, но нет, она мило улыбнулась, попрощалась и ушла. Садомский был готов бежать за ней. Но она ушла, растворилась в воздухе, исчезла, оставив в душе Станислава Николаевича нечто необычное. И как все деловые люди, он решил не сдаваться, догнать, понять, поговорить. Быстро осмотрев предметы торга, даже переплатив пару сотен долларов за жиденькую коллекцию бронзовых безделушек и серебряных украшений, находящихся в плачевном состоянии, Садомский, немного замаявшись, спросил Кирилла, нет ли у него номера телефона Вероники. Кирилл понимающе усмехнулся и выудил свой смартфон.

– Да, конечно. Запали? Девка видная, но не по мне, возни с ней будет, а мне некогда – жена, дети, работа, да вот еще хобби... – кивнул он на чемодан с находками. – Мне надо, чтобы почпокаться да разойтись без проблем, так что вот, записывайте, может, чего выгорит.

Номер телефона Вероники переключал в «Верту» Садомского и горел в нем для хозяйина, как луч надежды в пещере мрака или факел Прометея, дарящего огонь людям. Станислав Николаевич решил в Перми задержаться, перебил билеты на позже и для виду договорился с Кириллом о встрече завтра, дабы в спокойной обстановке выяснить происхождение предметов, уже купленных им в спешке.

* * *

Вероника шла по улице, осторожно обходя лужи, в которых отражались редкие фонари, и не совсем трезвых парней, которые нет-нет да крикнут что-нибудь вслед стройной девушке, вечером идущей по эспланаде, типа: «Эй, красавица, пошли бухнём!» Веронике корбило это, но не сильно, она привыкла к городу, к людям, к жизни, которая текла вокруг нее, образовывая маленькие водовороты, но так и не затягивала вглубь. Жизнь была скучна и однообразна. В семнадцать лет Вероника мечтала о будущем, прекрасном и насыщенном событиями и интересными людьми, о наполненном смысле и высокими чувствами бытии, в котором она, девушка с недюжинным умом, будет играть одну из главных или хотя бы больших ролей. Но нет, закончилось школьное безмятежное время, пролетели годы университета, и то самое бытие шмякнуло девушку об асфальт реальности и растворило почти в однообразной массе стандартного человечества. И естественный путь: «замужество, дети, борьба за жилье, любовник, карьера, пенсия, внуки, медленный конец» – был для нее предопределен, если бы не резкое неприятие Вероникой всего этого спокойного существования. Она, после некоего замешательства от отсутствия внимания к ней, такой умной и неординарной, как ей казалось, со стороны большого мира города Перми, решила, что если мир не идет к ней, то она сделает так, что мир о ней узнает. Правда, как это осуществить, она не знала и пыталась проявить себя различными способами, известными и неизвестными. Попробовала пожить в обществе сектантов-русофилов, быстро осознав, что это народное течение ничего общего с любовью к родине и полетом великих мыслей не имеет, курила марихуану с немногочисленными уже к тому времени рокерами-музыкантами, которые склоняли ее к сексу посредством маловразумительных текстов, положенных на сомнительного качества музыкальные эксперименты, пила вино с водкой в обществе эзотериков, медленно тянувших из нее последние деньги, которые она за неимением других предложений получала, стоя в супермаркетах у касс с коробкой сигарет «Мальборо», уже машинально произнося набившуюся оскомину фразу: «Вы курите?» Но ничто из этого не приносило ей удовлетворения собственным существованием.

Она устроилась на более-менее привлекательную работу, привлекательность которой заключалась в том, что работа эта не мешала поискам Вероники правильного пути. По сути, на работу можно было ходить не часто и не с утра. Утром поиски пути долго продолжались в виде медленного и нежеланного перехода из фазы снов, где истина была почти рядом, в мерзкую фазу бодрствования. Она начала читать новинки современной литературы и по инерции эзотерические сочинения околонуточного содержания и неожиданно для себя поняла, что, вероятно, всю свою недолгую жизнь она делала всё неправильно.

Новую цель сформулировала Вероника для себя в поиске настоящего, подходящего ей мужчины. Мужчина по сути своей вожак, и если найти правильного мужчину, то и её бытие обретет смысл в том, что она будет помогать вожаку-мужчине осуществлять поиск цели существования. Мысль эта, пришедшая как всегда утром, её ободрила и запутала. Цель была обрисована более конкретно, но пути ее достижения вновь стали туманны.

Перебрав всех знакомых мужичков и придя к неутешительному выводу, что они не подходят: кто по уровню интеллекта, кто рылом, извините, не вышел, а кто просто, кроме первичных и иногда вторичных половых признаков, и на мужчину-то не тянет, Вероника обратила свой взор на Интернет, который давал возможность расширенного поиска искомого объекта. Попробовав и много раз обжегшись, но не унывая от этого, она все-таки нашла человека умного, как казалось вначале, начитанного и делового – а наличие собственного бизнеса, пусть небольшого, для Вероники было верным знаком знания истинного пути – но иногороднего. Они быстро списались, она строчила ему на почту и в социальные сети свои размышления, он коротко отвечал, не критикуя, впрочем, довольно сбивчивые и нелогичные выводы и наблю-

дения молодой девушки. Но разочарование наступило позже, уже когда они встретились, сначала было короткое и страстное свидание в Москве, в гостинице, потом он оплатил ей билет в Питер, куда вновь приехал в командировку, потом были разные гостиницы России, в основном столица, немногословные посиделки в ресторанах, после которых он быстро уезжал в аэропорт, оставляя ей денег на обратный билет, усталые взгляды его при разговорах о значении души в мире и просьбах побыть с ней еще немного. В конце концов Вероника вдруг поняла, что молчание не есть признак духовного равновесия, а наличие денег не есть признак ума. Добила ее новость о жене и ребенке, которые были, оказывается, у мужчины-вожака. По неопытности Вероника как-то вначале не касалась этого вопроса, задурманенная уверенностью в правоте своих поступков и размышлений. В итоге она перестала отвечать на его короткие сообщения и погрузилась в себя. В себе ей было уютно, но скучновато.

Уютно потому, что ее разум и душа, в переселении которой она не сомневалась и мнила, что в прошлом душа ее жила в великой женщине, имя которой осталось в глубине веков, не конфликтовали друг с другом: душа хотела песен – разум находил их в необъятных просторах социального информационного поля. Причем Вероника разделяла разум и душу, именно так, она считала, что душа отвечает за трансцендентное, неосознанное, великое, а разум – за логичное, приземленное, материальное. Редкие подруги не понимали ее, вещая при встречах о мужчинах, машинах, шубах и клубах, сплетничали о ее сексуальной жизни, посмеиваясь в коктейльные трубочки, она улыбалась на редких вечеринках, но вновь спешила домой, к своим разношерстным книгам, уютному диванчику и современному окну в социум – Интернету.

Скучновато – потому что без внешнего общения, без новостей, без живых разговоров разум ее начинал сообщать душе о том, что жизнь бессмысленна и не нужна. На встречу с Кириллом, фотографию которого она не видела – тот скрывал её, по-видимому, по той же банальной причине – был женат – она пошла отчасти из-за грызущей ее скуки, а еще потому, что Кирилл показался ей необычным, увлекающимся человеком, который не писал сразу же «давай сделаю тебе куннигулис, милашка», а интересно рассказывал об истории, о поисках загадочных кладов, о древних жителях Прикамья, поклонявшихся огню, о зверином стиле, находках, ночевках в палатках, красивых закатах и молодых неверных восходах. Вероника вспомнила университет, родной истфак, поиски черепков в редких археологических практикумах и решила пойти, выпить латтэ и послушать умного мужчину. В конце концов, от нее не убудет, а может, что и произойдет.

Произошло совсем не то, что она ожидала. Кирилл ей сразу не понравился и внешностью, и голосом, а вот второй, неожиданный незнакомец, его друг, показался ей удивительно цельным, хоть и почти не открывал рта. Но его манеры, пронзительный взгляд, утонченные черты лица, благородные морщины, выдающие возраст, но украшающие, высокий лоб, дающий понятие о силе ума, привлекли Веронику почти сразу. В смятении, отказав толстенькому Кириллу в продолжении вечера, она покинула место свидания, тихо проклиная себя за нерешительность, за то, что просто не поговорила с тем утонченным мужчиной, не дала ему номер своего мобильного, но предпринимать что-то было уже поздно: он остался там, а она шла по вечерней Перми домой, к своему уютному диванчику и недочитанной книжке популярного Липскерова.

* * *

Станислав Николаевич, перетерпев ночь в гостинице – болела голова – и поздно позавтракав, встретился с Кириллом. Тот, подмигнув, заказал плотный обед и ответил на все вопросы. Оказалось, что у него обширная сеть поставщиков артефактов по краю, несколько пунктов приема антиквариата, связи в маленьком мирке пермских собирателей и изготовителей подделок старины, пара бригад копателей, которые под его мудрым руководством грабят известные и не очень известные памятники археологии.

– На Рождественском городище уже не копаем – туда зашла Камская экспедиция, муфтият денег дал на раскопки. Да и выкопано там немало, – вещал Кирилл, поедая борщ. – Вот Чердынь – другое дело. Опасно там, конечно, стало, да кто не рискует – не пьет шампанского. Места там знатные, народу мало, а заходов персов было много, кругом селища и городища. Я пару раскопал, гривны есть, серебро, блюдо там же взяли, пластины серебряные, металлопластика, бляхи. Но бронза вас не очень интересует. У меня много звериного стиля.

Станислав Николаевич покачал головой, мол, звериный стиль – нет, не его формат.

– Зря, я очень увлекаюсь. Вот еще есть райончик, куда персы заходили...

Садомский вздохнул: персы в эту глушь никогда не заходили. Но перебивать не стал, слушал, ожидая, когда Кирилл уйдет. Но тот только принялся за драники с котлетой.

– Так вот, райончик перспективный, были там в советское время экспедиции, только вроде ничего не нашли, но недавно познакомился с одним чудиком, вроде дауншифтер, но ушел недалеко, район напротив Добрянки, тут езды час. Сидит, кузнецом, типа, работает, а сам собрал палку, металлоискатель простенький, и шастает с ним по окрестностям. Вот меч приволок медный, рукоять золотой нитью обмотана, явно десятый век. Блюдо серебряное нынче продавал, да ломит цену, я не взял. Наверно, всё еще у него. Надо туда как-нибудь податься, да пока в Чердыни все мои работают, зашурфились, на лопату встали, пока всё не выкопают, не сниму их.

Станислав Николаевич высказал желание взглянуть на фото тех находок. Кирилл покопался в смартфоне и показал. Фотографии были плохонькие, определить подлинность по ним было невозможно, но если предметы настоящие, то они были более-менее ценны. Блюдо было болгарским, меч, точнее то, что от него осталось, – тоже. Тринадцатый век, не раньше.

– А как бы с ним встретиться, Кирилл? – спросил Садомский, но Кирилл только рукой махнул:

– Не, невозможно. Я могу выкупить, но цена... Миллион за блюдо просит, пятьсот за ножик. Барыга.

Садомский хитро поглядел на собеседника, сразу поняв, что тот набросил раза в три. Дело было привычное, сошлись на половине цены, Кирилл пообещал в следующий раз привезти артефакты, Станислав Николаевич оставил задаток. Довольный координатор местных черных копателей допил кофе и покинул место встречи, а Садомский судорожно достал телефон и набрал заветный номер. На другом конце, где-то далеко-далеко, загудел вызов, и через пару минут томительного ожидания раздался голос, который показался Станиславу Николаевичу голосом леонардовской Моны Лизы:

– Слушаю вас, кто это?

Он смутился вначале, не зная, как ответить, а потом проговорил:

– Вероника, я видел вас вчера в кафе, вечером. Меня зовут Станислав, вы, верно, забыли, но если у вас есть свободное время, я бы мог пригласить на чашку чая...

Садомский не помнил, пьет ли она чай, и последнее слово застряло в горле. Но Мона Лиза после коротко молчания сказала:

– Хорошо, Станислав. Давайте в шесть там же.

Садомский выдохнул и запел от счастья, но только про себя.

Вероника ему окончательно понравилась, нет, не понравилась, она поразила его в самое сердце, как говорят поэты. Когда он узнал, что девушка окончила исторический факультет, его разум произвел несвойственное ему обобщение, корреляцию жизненных путей и душ, и он ощутил высшее указание, судьбу, предназначение его и Вероники: они должны быть вместе. Но спешить в таких делах, да еще при таком катастрофически предсказуемом и безальтернативном раскладе Станислав Николаевич не имел привычки, поэтому решил, что расстояние и время все расставит по местам: если действительно судьба, и пришло время остепениться – то ничего не пройдет, если это лишь блажь тела, то всё пройдет, забудется, схлынет. Он уехал

обратно, лишь редко позванивая Веронике, не чаще раза в неделю. Порой он старался забыть ее сам, испытывая волю и чувства, но все равно хотел набирать ее номер и слушать гудки, паузу и тот самый голос. Через полгода Садомский понял – не проходит. Но Вероника сама никогда не звонила, и это настораживало, напрягало и заставляло нервничать, рисуя в голове Садомского образы более счастливого соперника. И этот мнимый соперник всегда останавливал его от окончательного предложения руки и сердца, разрушал романтический настрой и вводил Станислава Николаевича в рабочее состояние. Вторым приездом в Пермь чуть не лишил его статуса потенциального жениха из-за нерешительности и метаний, да появился Кирилл с теми самыми книгами, что теперь лежали на столе в рабочем кабинете и одну из которых осмотрел вездесущий серый Вадим Павлович. Книжки вначале не заинтересовали Садомского, но именно Вероника в тот приезд тонкими пальцами открыла толстую кожаную корку, под которой проступали на старом пергаменте затейливые буквы персидского письма, и заинтересованно спросила:

– Что тут написано?

Станислав Николаевич под насмешливым взглядом Кирилла, желающего получить деньги за старье от богатого, почти столичного жителя, и под восторженный, как показалось ему, взгляд Вероники, тут же кинулся показывать свои знания древних языков, перевел с листа кое-как пару страниц, получил божественную улыбку от неё и конскую цену от Кирилла. Книга действительно была странная, текст не совсем поддавался расшифровке, но купить пришлось, Вероника заинтересовалась текстом. Станислав Николаевич поторговался, и цена за несколько не очень древних фолиантов, включая и персидский, стала приемлемой.

Покупал он эти книжки случайно, под действием почти наркотического опьянения от присутствия девушки, но уже позже, когда в Питере перевел первую треть, книга его заинтересовала. А тут еще ошибочная датировка. Но откуда в Перми оказалась персидская рукопись седьмого века? Да еще в состоянии, близком к идеалу? Это было невероятным стечением обстоятельств. Кроме того, сам текст после перевода дал пищу для ума и домыслов, которые Садомский отвергал, как ненаучные, поэтому и доверил почитать перевод своему старому и верному покупателю в надежде, что тот раскритикует содержание фолианта или даст деньги на дальнейшие изыскания.

Работа над переводом увлекла Станислава Николаевича и отвлекла его от мыслей о Веронике так, что звонки его стали редки, а затем и вообще превратились лишь в короткие сообщения в электронной почте. Возможно, он бы и совсем забыл, отринул крамольную мысль о женщине своей мечты и о соединении с ней своей жизни, но вот этот миг истины, этот серый человечек, этот немислимый седьмой век от Рождества Христова вновь бросил его в пучину сладостных воспоминаний и дум. «Вероника... А неплохо бы узнать, откуда пермский координатор взял эти книжки... Да, да, место определяет, ведь это логично, это необходимо узнать, особенно в таком случае...» – думал Станислав Николаевич, вновь в метаниях между желанием славы и уже, вероятно, угасающей страстью. Жажда славы подавляла смутное чувство, которое некоторые еще называют архаичным словом «любовь». Но Станислав Николаевич, как человек практичный, решил действовать в обоих направлениях.

Глава 2

Зима в том году была затяжная, с морозами под конец и постоянными метелями, погожие дни выдавались редко. Но если выдавались, то это было так замечательно: солнце в марте уже грело по-весеннему, мощно вонзая лучи в бока белых, даже не тронутых таянием сугробов. Розовая заря будила природу, мягко освещая необъятное синее небо с редкими облаками и инверсионными следами пролетавших куда-то мимо, в загадочные и неизведанные края самолетов. Ели в свете доброго весеннего солнца виделись не как в зимние дни, темным защитным покрывалом на сером снегу, нет, они радостно вздымали свои верхушки, тянувшиеся к солнцу и новой жизни, выдираясь из мертвой зимы в будущее лето. Алексей любил это время, особенно сейчас, когда нудная работа не давала ему вырваться на природу. А тут всё сложилось – и погода, и выходные, и друг, который давно звал с собой на рыбалку. Машина бодро двигалась в сторону заветного берега, бороздя бампером свежевывающий снег, который еще не сдвинули своими автомобилями рвущиеся в субботу на свободу многочисленные рыбаки: кто-то еще не встал, кто-то не добрался до места, употребив купленные с вечера напитки поближе к городу. Племя рыбаков, выпавшее, казалось, из глубины советских времен, когда больше некуда было простому человеку податься, кроме как на реку, когда гражданский отдых был регламентирован партией и правительством, которые оставили практически без внимания искусство ужения рыбы, отдав его на откуп паре журнальчиков и Леониду Палычу Сабанееву, за книгой которого гонялись, как, впрочем, за любой книгой в то время, безудержное то племя не кануло в лету дикой приватизации, а каждые выходные рвалось на водоемы. Кто победнее – поближе к городу, на шлюзы у Камской ГЭС, кто побогаче – в места поглуше, вверх по Каме, Сылве, Чусовой и Вишере, по малым, виляющим рекам, речкам и речушкам, выискивая трофеи, ловя окушков и вездесущих ершей, балагурия и попивая водочку. Друг Алексея, Виталя, был заядлый рыболов с кучей свободного времени и большим опытом обуливания конкурентов, сам же Алексей опыта имел мало, но желание большое, даже не рыбной ловли, а выезда из душного города, от машин, толп и нескончаемой работы, серых домов и грязных дорог. За городом все было не так, все было чисто, бело, девственно, душа раскрывалась даже без алкоголя. Зимник вился меж сосен, все ближе неся машину с рыбаками к берегу Камы.

– Похоже, подтаает сегодня дорожка, солнце аж в глаза бьет, – задумчиво пробормотал Алексей, осторожно крутя руль.

– Да нет, выберемся, не успеет. Сейчас другие поедут, накачают, – ответил Виталя.

– Как бы совсем не разбили, понаедут толпы, погода шепчет, водка потечет, – усмехнулся вечно сомневающийся во всем, осторожный Алексей.

Друг промолчал, уже предвкушая подледный лов. На берег выехали неожиданно, сосны расступились, открыв огромные пространства замерзшей с декабря воды, на которых уже чернели точки рыбаков, вставших еще раньше. Друзья разгрузили багажник, надели сапоги, взвалили на плечи буры и ящики и направились к месту, на котором, по убеждению и неточной информации Витали, в прошлые выходные ловили крупного окуня. Пока дошли, внутренние слои одежды Алексея пропитались потом, он стал с завистью поглядывать на жужжащие моторами редкие снегоходы.

– Куплю потом снежок, – бормотал он под нос, волоча ноги, утопающие в наледи.

– Да, снегоход – это вещь, – подтвердил Виталя и радостно скинул ящик на лед. – Всё, дошли, здесь ловим.

Ловили долго, до сумерек. Алексей уж готов был давно сорваться, потому что, кроме пары мелких «матросиков» да дюжины ершей, ничего не поймал, но упорный Виталя сидел, таская окуней, которые у него почему-то ловились, хотя и не очень хорошо. «Ладно, – думал Алексей, – отберу у него потом, куда ему столько. Хотя и мне куда?»

С женой Алексей развелся уже пять лет назад, детей не завел, вообще был человек замкнутый, себе на уме. Новой жены искать не стал, надеясь, что вернется старая, да та как-то не возвращалась. Так что и рыбу тащить было некуда, самому если уху сварить да маме отдать, но мама речную мелочь не жаловала: кости мелкие да чешуя по всей квартире. Друзей бы пригласить на уху и водочку – еще куда ни шло, да друзья все по норкам своим спрятались, под каблуки жен легли, детьми обзавелись и в поте лица добывали средства на пропитание своих семейных орав. Вытащить их из логова брака было нынче крайне затруднительно. Поэтому Алексей отбирать рыбу у Витали не стал и поторапливал того. Машины, которые виднелись на берегу, где их бросали рыбаки, начали редеть, народ собирался домой, оставляя на льду пачки выкуренных сигарет, бутылки из-под водки и пива и свою временную свободу и даже, может быть, частичку счастья.

Сосны и ели начали отбрасывать причудливые длинные тени, диск краснеющего солнца скрывался за их вершинами. Пора было домой. Виталья достаточно резво собрался, и они поковыляли к машине, что осталась последней на утрамбованной колесами стоянке в лесу. А потом, на хребте зимника, выбивающегося в одном месте из тени леса, они наглухо застряли. Толкали, копали руками подстывающий снег, колеса машины бешено выкидывали услужливо подсунутые ветки, наломанные на обочине, но автомобиль отказывался двигаться вперед. Алексей без шапки, в поту вылез из-под переднего бампера, плюнул. Хотелось курить, хоть и бросил он давно эту пагубную привычку.

– Все, хана, плотно на брюхо сели. Тягач нужен, джип или трактор, сами не выберемся.

– Где же его тут взять? – махнул рукой Виталья. – До деревни по дороге километров десять, не меньше. По льду можно, конечно, короче будет.

– И телефон не берет, блин. Ну мы с тобой и попали! Говорил же – раньше ехать надо, может, кто сзади и подсобил бы, – раздраженно выдохнул Алексей.

Автомобиль шуршал заведенным мотором, от которого толку было мало: лишь тепло в салоне.

– На ночь не хватит бензина. Надо идти кому-то в деревню, – констатировал Алексей, – сейчас передохну да пойду.

– А кого ловить-то там будешь?

– Да позвоню, как сигнал будет, Вите, он же в деревне дом имеет, местный почти, может, подскажет кого.

Алексей вздохнул, поежился от пробиравшегося под взмокшую одежду холода и собрался уже идти к реке, да навстречу из леса вышла человеческая фигура. Фигура имела при себе топор. Алексей напрягся, незнакомцев он не любил. Человек подошел ближе, рассмотрел внимательно машину и двух людей подле, раскурил сигарету, поздоровался:

– Бог в помощь. Гляжу, застряли. Дорога плохая по весне, да и летом тут только в сушь проехать можно, немудрено. Давай толкнем, авось выедет, – кивнул он на автомобиль.

– Да нет, пробовали уже все.

– Домкрат есть?

– Есть.

Человек достал топор из-за пояса и уверенно углубился в ближайший сосняк. Послышался стук металла о дерево, скрип заваленной сосенки, из сумерек вышел новый знакомец, таща за собой лесину.

– Там еще одну завалил, тащите тоже, – мягко сказал он, бросая дерево и подчищая ствол от веток. Вскоре пять бревнышек лежали рядом, на одно он поставил домкрат, Алексей крутил, машина начала подниматься, когда колесо оторвалось от земли, под него подложили другое бревно. Так, потихоньку подняли весь автомобиль.

– Ну вот, теперь давай выезжай и не тормози, внизу дорога крепкая, до низа жми, – наставил Алексея человек и махнул рукой.

Машина дернулась, проскочила слабое место и с ревом понеслась до утрамбованного твердого снега. Зажглись стопы, Алексей с облегчением выдохнул, остановился. Виталья и незнакомец подходили сзади.

– До деревни довезете? – спросил человек. – Да и в гости зайдите, смотрите, все вымокли и устали, чайку попьем.

Алексей машинально кивнул, отказать не мог, и смысла не имело – помог мужик. А кроме того, что-то в облике и манере общения человека было привлекательное, не напряженное, спокойное, доброе. До деревни ехали молча, к избе, где жил незнакомец, подъехали уже в темноте. В деревне этой Алексей бывал редко, так что не сориентировался, где стоял этот дом.

Незнакомец жестом позвал зайти, Алексей заглушил двигатель и осторожно переступил порог маленьких сеней, потом и теплого жилого помещения. В доме пахло плесенью и мышами, посредине стояла русская печь, в углу стол со скамьями, за печкой – кровать с парой толстых матрасов. Типично деревенский дом.

– Располагайтесь, сейчас чай поставлю, – просто сказал незнакомец.

Вместо ожидаемого самовара или закопченного эмалированного чайника на столе появился вполне современный электрический, который быстро зашумел, предвещая желанный кипяток, который вскоре оказался в красивых глиняных кружках. В коробочке лежали разные сорта пакетированного чая, сахар белел в старинной серебряной, видимо, сахарнице.

– Берите, какой любите. Тут ассорти, – улыбнулся хозяин. – Меня Николаем зовут.

Друзья представились.

– Рыбачили, значит. Рыбалка здесь хорошая иной раз бывает, особенно весной, по последнему льду, или в мае. В июне щука выходит. Тут места знатные, – говорил Николай, прихлебывая чай.

При свете разглядывая нового знакомого, Алексей удивился, тот был сравнительно молод, не пропит, как обычные жители уральских деревень, лицо гладко, солнце и погода не оставили на нем своих катастрофических следов в виде загара, переходящего в несмываемую грязь, и глубоких борозд-морщин. Николай был ухожен, улыбка, кроткая, как показалась Алексею, не сходила с его губ, голубые глаза светились умом и нескончаемым позитивом. Одежда его почти городская, удобная, современная; на подоконнике древнего подслеповатого окна блестел серебром макбук. Короче, Николай не был обычным крестьянином, если так еще можно называть жителей деревень. И речь его была плавна и изобиловала оборотами городского жителя.

– Вы не местный? – спросил его Алексей. Чай согревал, сахар давал силы, но обстановка клонила в сон.

– Нет. Городской. Из Питера, – улыбнулся Николай.

– А как вы здесь оказались? До Питера вон как далеко. Даже до Перми полтинник будет.

– Надоела цивилизация, – уклончиво ответил тот.

– Типа дауншифтер? – блеснул знанием современных слов Алексей.

– Типа. У каждого свои поводы уехать. У меня свой, – неожиданно разоткровенничался собеседник, – зла в городе много. Да и не только в городе, во всем мире. Зло везде. Утром стоишь в пробке на работу – кругом лица, готовые тебя разорвать за то, что ты неверно двинул рулем или за то, что просто тут на дорогу выехал. На работе все следят, не дай бог ошибешься, наклепают директору или начальнику отдела, подсилят. На улице – серые злые лица, в метро – толпы ненавидящих друг друга. И так везде и всегда. Просто устал и уехал. Здесь тишина и единственная проблема – выжить.

– Но и тут злых людей хватает.

– Верно. Вот недавно залезли в дом, украли телевизор. Но это мелочи. В общем и целом здесь проще.

– А почему именно сюда приехали?

– Знакомый здесь живет, в Белоруссии познакомились лет пять назад, батюшка. Переехал сюда, звал. Вот и я тут. Местный батюшка из новой церкви, скоро придёт, увидите. Вот-вот должен прибежать, денег ему обещал на Евангелие новое.

В сенях тут же застучало, дверь открылась, и в тесную избу вошел поп в старой коричневой куртке, накинутой поверх рясы, полы которой были мокры и грязноваты. Поп был молод, небольшого росточка, куцая бородёнка выбивалась странным ростком из подбородка, на голове камилавка.

– Здравсьте вам. Николай Александрович, у вас гости, я ж не знал, могу и попозже зайти, – мялся поп у порога.

– Да заходите, отец Игорь, чайку попейте.

– Да ведь ненадолго, так, вы ж обещали...

– Обещал, вот, десять тысяч. Да садитесь вы, люди на рыбалке были, застряли, помог машину вытащить.

– Ой, благодарю, – засуетился отец Игорь, почти слизывая со стола две красные купюры, – а то ведь у меня вот Евангелие-то старое, листочки вылетают, вот, принес показать.

Он выложил на стол из кармана потрёпанную книжку. Алексей заинтересовался, текст был еще с «ятами». На первом листе стоял расплывшийся штамп Пермской епархиальной библиотеки за 1905 год.

– Раритет, наверно, денег стоит.

– Ну каких денег, прости, Господи, разваливается уже. Хотите – берите, я новую куплю вот на денежки-то, хорошую, а то как службу вести с таким?

Алексей, смутившись, книжку не взял.

– Вот ведь еще машинка старая совсем стала, двигатель барахлит, вот бы ее поменять еще... Да где уж мне, ведь приход небогатый совсем, – стонал поп.

Алексей, присмотревшись к служителю культа, вспомнил, что где-то его уже видел, точно, по телевизору недавно про него фильм был. Но совсем в другом месте снимался.

– А я вас по телевизору видел, вы вроде в Ленске работали или как там у вас называется. А почему теперь здесь?

Отец Игорь вздохнул:

– Да уж четыре года прошло, был там, дали восстанавливать храм, уж и дело пошло, а владыка снял, сюда направил, говорит, здесь церковь новая, деревня большая, прихожан будет много, попечитель, что храм выстроил, богатый, поможет. Ну и соблазнился, а куда деться, у нас ведь как в армии— куда пошлют, там и служишь. Да вот всё не так вышло. Дохода нет, село пьющее, работников мало, на службы только старушки ходят немощные да неимущие. Вот Николай приехал, подает иногда, да попечитель помогает, дом выстроил, а то жили в школе старой, разрушенной. Мне бы еще тепличку к весне бог бы дал, я бы с супругой огурчиков вырастил да на стол владыке, может, послал бы в приход побогаче... Ну, пойду я, Николай Александрович, занесу благодарственное письмо потом, или вы ко мне заглянете.

Отец Игорь быстро откланялся.

Николай заметил:

– Видел, как на Евангелие старое смотрели. Увлекаетесь стариной?

Алексей покачал головой.

– А я увлекаюсь. Тут места особенные. Вокруг деревень староверов было много, до семидесятых годов держались, а еще более интересны времена древние, тысячу лет назад тут жили компактно люди, оставившие после себя много вещей. От гляденовской до родановской культур – все тут были. Как раз между речками, знаете? Большой и Малый Туй, недалеко. Меня это очень занимает.

Алексей непонимающе кивнул. Для него это был темный лес. Собеседник понял это, достал из угла какой-то прибор с кругом внизу.

– Металлоискатель. Увлекательное времяпрепровождение, поверьте. Вот монетки старые ищу, – показал он горсточку невесть откуда взявшихся старых, еще царских кругляков темной меди. – А кстати, на Большом Туе весной рыбалка замечательная, щуку местные острой берут.

– Пора нам, – осторожно заметил молчавший до этого Виталья.

– Да, пора поедem, а то ночь уже, – отозвался Алексей.

– Ну, пора так пора. Если что, заезжайте, всегда рад, спросите, где местный кузнец, – это я. С железом балуюсь немного, деревенские иногда ходят, редко, правда, просят что-нибудь отковать. Я не отказываю.

Друзья собрались и вышли в ночь, которая холодно освещалась яркими весенними звездами на безоблачном небе.

– Станный человек, – заметил Виталья.

Алексей кивнул:

– Станный. Но хороший, видать.

На хороших людей у него был нюх, а попадались ему такие люди чрезвычайно редко.

Критерий хорошеи человека у Алексея был довольно расплывчатый и субъективный. Чтобы вступить с людьми в хоть какие-то малейшие отношения, ему надо было проверить человека с макушки до пяток, поговорить, помолчать, ощутить невербальные вибрации, хотя что это такое, он и сам не понимал. Понятно, что сделать это было практически невозможно, поэтому все друзья были у него старые, еще со школьных времен. А тут еще кризис среднего возраста подкатил. В его интерпретации это выражалось в отсутствии каких-либо осознанных и исполнимых желаний. Вот раньше хотел он то машину, то квартиру, то жену, то отпуск на море, старался, бил лапками молоко, превращая в масло, приближал желаемое, после наслаждался победой и снова ставил себе далекую, но достижимую цель. Считал он это целеполагание правильным и был вполне доволен своей жизнью. Но при подходе к сорока годам желания поутихли, расплылись, «яблочко» цели, которое должно маячить впереди, расфокусировалось, и как-то раз Алексей с ужасом понял, что ничего не хочет. Он пытался усилием воли захотеть чего-нибудь, придумывал варианты, но все впустую – ничего его не цепляло. В итоге он вконец расстроился и решил, что жизнь кончена, впереди пустота и смысла продолжать нет. Мысли о смерти его преследовали где-то полгода. Было две проблемы: во-первых, Алексей смерти не боялся, размышляя о ней как об очередном неизбежном событии в жизни, как рождение, окончание школы, университета, первый секс, последняя любовь, женитьба, развод и прочее, что всегда бывает. Поэтому сам уход из жизни его не вдохновлял своей смелостью и неординарностью. А во-вторых, у него не было детей, а детей он иногда хотел, но не сильно, так, просто чтобы кто-то в старости, раз уж суждено дожить до нее, принес стакан воды. Но для того чтобы появились дети, нужна была жена, а первая жена ушла и не вернулась.

Вторую же он искал спустя рукава, потому что жениться Алексей если и собирался, то только на любимом человеке, а чтобы такой появился, необходимо было два условия – человек должен быть хорошим, а кроме того, необходимо возникновение сложного чувства, рожденного эмоциональным бессознательным, под названием «любовь». Даже с первым условием у Алексея возникали проблемы, не говоря о втором. Поэтому он боролся с отсутствием целей и желания продолжать существование различными методами.

Первый метод был стандартный, проверенный веками – религия. В поисках смысла жизни Алексей пытался ходить в церковь. Но зайдя туда, не нашел ответов, ибо попа, который шастал там в золотой одежде, хорошим человеком не считал, поговорить с ним по душам стеснялся, а сам святой отец переминающегося с ноги на ногу человека с растрепанными волосами, мнущего шапку посреди храма, постарался не заметить – таких много шляется, очередь у святого отца, а дел мирских невпроворот, дети, квартира, машина, вторая работа. Тогда Алексей помялся, помялся, всем видом показывая, что ищет смысл жизни в вере православной, да

так и не заинтересовал попа. Денежку дал сирым и убогим упитанным пьяненьким мужичкам у церкви и ушел, не найдя ничего, что сулила мировая литература и история вошедшему в лоно церкви.

Второй метод был проще – хобби. Сначала хобби был спорт, потом рыбалка, но все быстро надоедало, оставляя лишь редкое желание повторить или инертную потребность, как например, спортзал два раза в неделю. Но поиск увлекающих его дел занимал, что давало Алексею кое-что для ухода от кризиса. А еще были друзья, которые, несмотря на редкие встречи, давали ему заряд бодрости и желание жить.

Вообще, компания друзей у Алексея подобралась странная. Познакомились они все еще в детстве, в последних классах советских школ, собравшись под сенью одного полунформального объединения, воспевающего идеалы всех революций, демократии, лучших чувств людей всего мира. Существовало оно под утопическим лозунгом: «Наша цель – счастье людей, мы победим, ни тени сомнения в этом». Сомнений тогда ни у кого и не было, но понятие счастья расплывалось в молодых умах – от всемирной победы социалистической революции до удачного продолжения рода в законном браке. Да и молодость не давала скучать, была пора влюбленностей, успеха во всём, жадное поглощение новых знаний, познание нового мира, который ворвался в их страну, сменяя старое общество своей «перестройкой» и «гласностью». В то время они жили друг для друга, отдавая все, что было нужно, тому, кто больше в этом нуждался, стипендию – тому, у кого ее не было, квартиру – всем, кто хотел там выпить и поплясать, любовь – кому она была необходима, ласку и участие – всем понемногу. Времена проходили, друзья закапывались в новые формы бытия: кто в бизнес, кто в семью, кто в новые увлечения; стали меняться старые идеалы, уходила в прошлое всеобъемлющая дружба. Но что-то их удерживало друг возле друга, пусть редко, пусть нерегулярно, но они продолжали встречаться.

Алексей же своих юношеских идеалов не предал, они зацепились у него в душе и не отпускали. В отличие от остальных, ещё друзей он не завел, хоть и пытался, бизнес и работа не вызывали у него каких-либо эмоций, жена стояла на втором месте после друзей. Но изменить себя Алексей был не в силах, единственно, терзала ревность ко всему миру по отношению к его друзьям и боль, когда они предпочитали что-нибудь общению с ним. Он понимал иррациональность этого, но поделать ничего не мог. Когда неожиданно все собирались вновь, он был одновременно и несказанно рад, и уже заранее грустил, что скоро встреча закончится, они уйдут и он опять останется один. А это случалось все чаще и чаще в последнее время.

И вот как-то весной, когда лед на Каме уже сошел, лишь по берегам стояли переломанные весенним солнцем, массивные, крошащиеся красивыми кристаллами льдины, один из его закадычных друзей, наконец вырвавшись из крепких объятий своего огромного бизнеса, политических игр и лона любимой семьи, объявил общий сбор на рыбалку. Понятно, что для рыбалки было не время.

У приятеля, которого звали в миру Виктор Георгиевич, а в кругу друзей просто Витя, была роскошная дача в деревне недалеко от города, в той самой, где они с Виталей встретили странного кузнеца-дауншифтера Николая. У остальных дач не было, компания в своих доходах очень сильно разнилась, как и в интересах, жизненных кредо и прочих, отличающих людей друг от друга вещах. Все, кроме Алексея, уже обросли новыми друзьями и знакомыми, по работе или по увлечениям, но на призыв доброго хозяина сразу откликнулись. Кто из-за усталости от города и работы, кто из-за желания выпить в тёплой компании, как Алексей, кто просто по старой памяти, но в целом все были рады ещё раз увидеться и вспомнить былое.

Все стали собираться к вечеру. Довольный хозяин уже развалился в кресле у камина, потягивал пиво и нахваливал свои любимые закуски. В кругу друзей Витя вновь становился тем, кого когда-то, уже больше двадцати лет назад, обожали все девушки и боготворил Алексей.

Снизу тянуло банным духом, баня была неотъемлемой частью обряда, так называемой «рыбалки». Сама рыбалка в принципе могла и не начинаться. Вялые разговоры потихоньку оформлялись, пиво вливалось в глотки, потом и водочка; приближалось время бани и разгоряченных разговоров обо всём, называемых хозяином «диспутами». Тут было главным не пропустить тот миг, когда разум еще не затуманился до состояния нечленораздельности, а то диспут мог и не состояться. Но нынче все пошло по правильному сценарию, диспут разгорелся и пока даже не переходил на политику и личности. Подал тему Виктор.

– А вот скажите мне, вы ведь умные, почему греческая цивилизация была великой, а стала засраной?

– Чего ты, Витя, из Греции недавно? – улыбнулся Алексей.

– Нет, я в Швейцарии на автосалоне был, но меня волнует этот вопрос. В конце концов, у нас есть Андрюша, он историк, пусть прояснит.

Историк Андрюша поправил очки на носу, отпил вина, но нетерпеливый Алексей, разгоряченный спиртными напитками, прервал начавшийся было ход мыслей умного человека.

– Мне кажется, – многозначительно произнёс Алексей, который на всё имел собственное мнение, – что греческая цивилизация просто оставила после себя множество артефактов, а остальные цивилизации, например... – Алексей в истории был не силен, знания получал исключительно из Википедии и силился вспомнить хоть какую-нибудь другую цивилизацию. Но пиво с водкой начинали мешать. Римская и египетская припомнились, да они тоже были известны. Видя заминку, историк Андрюша пришел на помощь:

– Шумерская!

– Да, – обрадованно подхватил Алексей, – шумерская, скифская тоже были, наверно, великими, да ничего после себя не оставили.

– Нет, – не унимался упрямый большелобый Виктор, – вот у греков были Гомер, Аристотель, Эсхил, другие великие поэты и ученые, а у других – ни шиша. Как это объяснить?

Андрей затянул свою любимую тему про теорию пассионарности, Алексей стоял на своем, не находя других аргументов.

– Ну, вы же умные, ну, ответьте, – не унимался хозяин, специально подливая масло в огонь.

– Наверно, – задумался и тянул Андрей, – греческая цивилизация развивалась в условиях, близких к идеальным: климат, местоположение, море, горы. Вы же знаете, как красиво море лазурное, там было тепло, не надо было бороться за существование, вот они от обилия свободного времени и создали свои поэмы и науки.

Алексей, войдя в алкогольный раж, вскочил, гневно проорав:

– Так что, если мы на севере живем, значит, мы не способны думать, так, по-твоему? Это оголтелый расизм!

Хозяин засмеялся, предъявив весомый аргумент:

– Леша, ты чего такой агрессивный? Мы же друзья, тут нет врагов, будь позитивным.

На этом диспут заглох, и все пошли в баню.

В бане хозяин неожиданно объявил:

– Кстати, можете мне помочь, да и весело будет. Я тут прикупил участок ещё, расширяться, рядышком. На нем дом стоит старый, дореволюционный, наверно. Хозяин умер года три назад, родственников нет, я и отжал. Дом тот снести надо. Может, завтра, раз рыбалки не получается, распилим его?

Друзья согласно замычали и всем скопом повалили в парилку. Вечер удался, а назавтра светило увлекательное продолжение замечательной «рыбалки».

Алексей после бани и выпивки стало муторно, и он пошел проветриться. Погода стояла весенне-промозглая, теплый влажный воздух не давал спирту быстро выветриться. Он вышел за ограду усадьбы и побрел по пустынной ночной улице деревни. Кривоватая улочка

ещё в снегу вела его от дома к дому, вдоль перекошенных заборов куда-то вперед. Справа за речкой светились огоньки поселка, слева вздымалась круча, на которой лепились строения. Ноги выписывали пьяные кренделя, голова медленно просветлялась, Алексей двигался, куда глаза глядят. Неожиданно огонек сигареты привлек его внимание, алкоголь в крови потребовал никотина, и обычно неразговорчивый и неконтактный, он подошел к огоньку и прокрихтел:

– Сигареткой не угостите?

– Отчего же не угостить, пожалуйста.

В тусклом свете занавешенной облаками луны перед глазами Алексея появилась белая палочка сигареты.

– А я вас помню, Алексей, кажется?

Алексей поднял глаза и с трудом разобрал лицо. Оно было ему не очень знакомо.

– Не помню вас, простите.

– Да и немудрено. Водку пили?

Алексей кивнул, затягиваясь, закашлялся.

– Мы с вами знакомились, я Николай, кузнец местный. Помните, помогал с машиной, когда застряли?

Алексей вспомнил.

– Да, простите, с друзьями тут, на рыбалку приехали.

– Какая уж рыбалка? Кама вскрылась, опасно.

– Мы так называем «рыбалкой» эти встречи. У друга здесь дача. Просто собрались, редко выдается, ну вот, перебрал.

– Хорошее место для дачи. Почти святое, – усмехнулся Николай, – тут издавна народец жил разный. Кто огню поклонялся, кто медведю, кто солнцу, сейчас и Аллаху, и Иисусу. Интересное место.

– Ага, видел я у вас служителя культа, помню. Вы верующий? – Алексей затушил окуроч. Стало легче.

– Трудно сказать... Еще не определился с верой. Любая религия сомнительна, так как не выдерживает критики. В любой религии есть добро и зло, причем иной раз злобным началом может выступать сам верховный иерарх. Вот христианство, например: Бог создал человека по образу и подобию, а потом обрушил на него беды и страдания, начиная от изгнания Адама и Евы и заканчивая распятием сына своего, не говоря уж об абсолютно бессмысленных мучениях Иова. И так везде. Поэтому я нахожусь в поиске: кто есть человек, что есть его разум, и как человек связан с иррациональным, которое мы называем богом.

Алексей удивленно посмотрел на собеседника, тот же смотрел в никуда, в сторону, не обращая на него внимания.

– Вы философ, – насмешливо произнес Алексей, мало понимая речь кузнеца.

– Все становятся или алкоголиками, или философами к середине жизни, как говорил Юнг. Хотя я не психолог, да и не поддерживаю его теорию коллективного бессознательного. Однако, интерпретируя, с рождения и до определенного возраста человек живет, поглощая знания, опыт, навыки общества, не задействуя свой разум. После приходит осознание своего «эго», человек пытается понять свою сущность, смысл своего существования, цель бытия, его основу, короче, приходит к основному вопросу философии. Причем если я формулирую это сейчас, то большинство людей просто чувствует дискомфорт и потерю ориентации в жизни. Называют такое состояние кризисом среднего возраста. Немногие понимают, в чем суть, начинают нервничать и либо спиваются, либо уходят в никчемные увлечения и работу на износ. Но вот кто осознает, что происходит, очень немногие, те пользуются разумом, тем, что дано нам великим трансцендентным. Богом, Аллахом, Яхве, Ахурамаздой, мировой энергией по Бехте-реву, коллективным бессознательным по Юнгу, короче, тем, что я еще никак не понимаю, но

стремлюсь. Вот у вас тоже намечается этот кризис? И как? Вы осознали, в чем противоречие между социальным и вашим эго?

Алексей ошарашенно слушал эту тираду с множеством незнакомых слов, сознавая, что есть в мыслях странного кузнеца Николая какая-то изюминка. Кризис среднего возраста накрывал его, тут попадание было в точку. И алкоголь реально помогал, выводя из состояния непонятной депрессии, которая продолжала его преследовать. Так что же не так в нем самом, что надо искать, как пользоваться разумом? Ведь он пользуется им, он получил высшее образование, он анализирует события, он не идиот, в конце концов.

– Не грузись, – снял напряжённость ночной собеседник, – зря я тут начал. Хотя что же ещё делать ночью в деревне, как не раздумывать над тем, что плохо поддаётся пониманию? Ничего, что я на «ты»? Заходи, как будешь тут, покажу шук на Туе, места старых деревень, свои находки. Обсудим и эту тему, раз уж прошлись по ней. Главное – думай, мысль созидательна, она поможет вырваться из рамок социального бытия. Скоро лето... Ладно, прощай, брат, а то, гляжу, ты засыпаешь совсем.

Николай пожал Алексею руку, направил в нужную улицу и скрылся у себя за калиткой в выщербленном заборе. Когда Алексей добрал до имения Виктора, там все уже спали, кто где, ничего не оставалось делать, как лечь на голый пол у камина. Сон мгновенно сморил его, не успевшего воспользоваться божественным даром — разумом...

С утра, не раннего, – кто же рано встанет после выпитого вчера – прибравшись кое-как, друзья цепочкой потащились к старому дому, что стоял на крутом берегу маленькой речки, несущей свои мутные воды в сторону Камы. Старый бревенчатый дом ничем особо не выделялся среди таких же хибар, разве что размерами – был больше, сени находились посередине двух срубов явно разного времени постройки, один сруб был новее, второй, с полуобвалившейся кровлей, – совсем старый, видимо, там давно никто не жил.

– Ну, мы его нынче точно не разберём, – пробормотал Костя, самый ответственный и конкретный в сообществе. Раз уж Костя сказал, что не разберём, значит, и пробовать даже не стоило. Хотя к этому всё и шло, никто из друзей никогда домов не разбирали, от строительства и разрушения был далёк, да и инструментов подходящих, и времени не было.

– Айда смотреть, чего внутри, – задорно зазвал Виктор.

Народ осторожно, скрипя старыми досками, поднялся по высоченному крыльцу к низенькой двери в сени. Из сеней в срубы вели две двери. Одна открывала вход в относительно новый дом, где пахло мышами и стариками, посередине стояла ещё вполне пригодная к эксплуатации печь с полатами над ней и наивной резной доской вдоль всей потолочной матицы.

Историк Андрей сразу сунулся на полочки у окна, позвенел там вилками и остатками посуды, радостно воскликнул:

– Ой, смотрите, чего нашёл!

В ладони у него блестел серебряный рубль с профилем бородатого человека.

– Рубль царский, николаевский, вот прямо тут лежал! Можно я его себе возьму, детям покажу в школе? – обратился он к хозяину.

Послышались возмущённые возгласы:

– Чего это ты возьмёшь? Давай разыграем!

– Ну, Виктор Георгиевич! Ну, я же историк! А они все нет! Им зачем рубль царский? – нажимал, требуя защиты и поддержки, Андрей.

– А мы продадим его и водки купим, – хором отвечали воинственно настроенные обездоленные.

Виктор засмеялся, милостиво махнул рукой: мол, забирай. Андрей быстро припрятал рубль в карман и ретировался за печку от греха подальше. Компания, пошарив в этой половине, перешла на вторую. Второй дом выглядел запустело. Печь развалилась, матица подгнила от протёкшей крыши и висела одним концом в воздухе, простоватая редкая мебель была сло-

мана, доски пола кое-где отсутствовали, обнажая сухой утрамбованный пол подклети. Пахло затхлостью, землёй, почти смертью, если она имеет запах.

Алексей брезгливо открыл ящик белого с синими цветочками, затянутого паутиной буфета. В нем лежала пара алюминиевых гнутых ложек и куча засохших насекомых. Рядом стоял пыльный сундук неопределённого цвета, обитый ржавыми железными полосами. Откинув крышку, Алексей обнаружил груды бумаги: старые газеты, пожелтевшие книги. Под ними после раскопок и чихания от пыли он нашёл трудовые крестьянские книжки, сначала довоенные советские, потом несколько дореволюционных. Алексей сел на пол, увлёкся чтением. Книжки были за тысяча девятьсот девятый, десятый, тринадцатый годы, заполненные выпцвешими чернилами, уверенным, почти каллиграфическим почерком с «ятями». Подошли друзья:

– Ну, что тут у тебя? Ого, дореволюционные!

Друзья с воодушевлением начали рыться в сундуке, вынимая все более интересные вещи — фотографии, чудом уцелевшие письма, написанные неизвестными людьми почти сто лет назад, повествующие дорогим Марьям, Пелагеям и Марфам о трудностях фронтового быта Первой мировой. Собралось сообщество читателей, сидящих на грязном полу, свесив ноги в дыры. Позже ворвался историк Андрей, все пытавшийся по наущению Виктора найти припрятанные ценности под балками крыши более нового дома, зашелестел листками, оставленными другими, восторженно воскликнув:

– Да тут просто «клондайк», это же историческая ценность! Витюха, можно и это я заберу, у меня дети, студенты, они поймут...

Алексей без сожаления передал бумаги Андрею. Для него они не представляли ничего ценного, просто старые пожелтевшие листки из давно забытого времени. Что они могут изменить? Что рассказать? О том, как тяжело жили люди? Да разве сейчас людям живётся легко?

Нет, всё-таки жизнь — это непомерное испытание и мучение с редкими вкраплениями эмоционального подъёма, жизнь — это сопротивление внешнему миру, борьба за существование, так же, как у первобытных людей в произведениях Жозефа Рони, борьба за огонь, борьба за пищу, борьба за любовь. Это Алексей сознавал, но второй вопрос, который возникал после осознания первого, что есть жизнь, не имел ответа, а звучал он просто — зачем?

Алексей потряс головой, выходя из ступора от неожиданно пришедших, не имевших решения задач, с улыбкой посмотрел на суетящегося с бумажками Андрея, на остальных друзей, раскапывающих старинные вещи, и решил посетить чердак. Туда ещё никто не додумался забраться, и он, как первооткрыватель, полез по круглякам выступающих брёвен, оскальзываясь, но упорно подбираясь под свод полуобвалившейся крыши.

Чердак был просторный, с облупленной печной трубой, засыпанный землёй, сгнившей соломой и какими-то совсем ненужными ящиками, банками, бутылками, разбитыми рюмками, гранёными стаканами и затейливыми пузырьками, то ли от духов, то ли от спиртосодержащих жидкостей, явно старыми. Порывшись среди этого хлама, он натолкнулся на ящик, обёрнутый давно треснувшей кожей и закрытый ржавым замком. Поддавшись порыву первопроходца-кладоискателя, с помощью найденного тут же железного прута Алексей содрал замок, который вместе со скобами с треском отошёл от сухого дерева, откинул крышку, покрытую паутиной и пылью, и обнаружил внутри аккуратный свёрток старой материи. Брезгливо развернув ткань, под которой было что-то жёсткое, увидел деревянную доску, тёмную от времени. «Иконы» — промелькнуло в его голове, но в руках лежали вовсе не иконы, а две книги: одна в твёрдом деревянном переплёте, а под ней другая, завёрнутая в дополнительную тряпицу, в старом, облупленном, видимо, кожаном. Раскрыв первую, он заметил рукописные буквы кириллического алфавита, листы бумаги были совсем трухлявыми. Алексей осторожно прикрыл книгу. «Надо же, наверно, какой-нибудь церковный текст», — подумал он, опасаясь листать дальше. Вторая книга была более сохранна, листы сделаны явно не из бумаги, толстые и жёсткие, почти не

гнулись, на них слабо проступала арабская вязь. Переплёт из толстой кожи полопался в разных местах, чернила выцвели, книга была гораздо больше и толще, чем первая, но никаких украшений как в фильмах про сокровища и старую Русь на ней не было. Она была тёмная, тяжёлая и совершенно непонятная; арабским, как, впрочем, и другими языками, Алексей не владел. Но находка так его затянула каким-то духом вечности, что он решил её не обнаруживать, тем более что внизу копошился историк Андрей, подметающий все, что было в доме.

Осторожно завернув книги обратно в тряпицы, засунув за пазуху, Алексей, терзаемый сомнениями, слез с чердака в сени и, пока остальные были в доме, ушёл к машине и осторожно упрятал книжки в багажник. После, наверно, он ни себе, ни друзьям этот свой собственнический порыв объяснить бы не смог, но сейчас ещё неосознанное что-то влекло его именно этим путём...

В следующий раз он попал в ту деревню только в конце весны, в мае. Одним своим краем с более-менее сносными домиками и новыми дачами она раскинулась ближе к Каме, на слиянии малой реки, именуемой местными заливом, и огромного зеркала искусственного водохранилища, а другим, старым, темным, с редкими вкраплениями свежего дерева новых загородных домов людей побогаче, стыдливо спряталась в изгибах протоки, за елками и бугорками.

Правда, перед этим он посвятил весну новому увлечению. Слова кузнеца не оставляли его, он долго думал, стоит ли тратить деньги на никчемную вещь, но в конце концов решился: древности земли русской не давали Алексею покоя. Клады мерещились и тут, и там, золото сверкало из телевизора, канал «Дискавери» подогревал желание, и он отправился в ближайший магазин для приобретения металлоискателя. Там этих приборов был большой выбор, Алексей, по натуре человек прижимистый, долго бродил у стойки с товаром, трогал палки с колечками внизу, рассматривал, но в выборе ему никто помочь не мог, продавщица ничего не смыслила в предлагаемом ассортименте. В итоге он выбрал тот, что подешевле, с сожалением расстался с деньгами и получил желаемый металлоискатель с твердым намерением тут же найти что-нибудь ценное. Но вот где искать ценное и как – этого Алексей не знал. Поэтому, вспомнив вновь слова кузнеца Николая, он в субботнее утро мая, обещавшее хороший день, отправился именно туда, в деревню, где была дача Виктора. Пока ехал, покупал забытые батарейки для металлоискателя, бутылку воды, пока заправлял машину, время прошло, утро сменилось теплым, необычным для уральской весны днем.

В деревне на полуострове, что вдавался в Каму кривой сарделькой, уже был аншлаг. Народ, измотавшийся на работе, отравленный городом, уставший от долгой зимы, валом высыпал на природу, к реке. Весь берег ошетинился удочками, затянулся дымом мангалов, расцвел разноцветием палаток и белел полуобнаженными телами, жадно ловящими еще слабые лучи солнца.

Первоначальный план Алексея исследовать этот прекрасный полуостров сорвался, ходить между отдыхающими со странным прибором и лопатой ему было не по себе. Постояв на дороге, озирая окрестности, он подумал, что лучший вариант для поиска сокровищ в этом месте – старая часть деревни на другом берегу, где никого не было: там все копались в земле у себя на участках.

Переехав узенький мост и бросив машину на обочине, Алексей распаковал прибор, поднял лопату на плечо и побрел по безлюдным дорожкам, неловко водя металлоискателем. Тот пищал на разные голоса, утверждая, что вся земля усыпана золотом. Поначалу Алексей копал везде, не умея определить, причину писка, но, раскопав десяток банок из-под пива, ржавые консервные и под сотню пробок от водки, задумался. Требовалось изучить инструкцию, чем он и занялся. Пока читал тонкую брошюрку, из-за соседнего забора послышался голос: за забором стоял дедок с лопатой, заинтересованно глядя на Алексея.

– Слышь, парень, ты чего тут делаешь?

– Мины ишу, – попытался отшутиться Алексей, но не тут-то было. Дедку явно не хватало общения, копать грядки надоело, старуха его, что издали, сверху, неодобрительно глядела на процесс работы, видать, осточертела, и дедок был настроен поговорить.

– Мин тут нету, войны не было, а вот деревенька наша старая, известно. Вон дом стоит, еще при царе ставили. Школа была, видишь? – указал дедок на темный бревенчатый сруб. – Ты небось клад ищешь?

Алексей смутился, что первый попавшийся дед его сразу раскусил.

– Да не клад, просто вдруг чего найду.

– Эх, милоч, деревня-то стара, да хламу за столько лет тут скопилось!.. Почитай, одни алкаши живут. Пенсию получают да пропьют. Совхоз был в советское время, коровы, свиньи, молочно-товарная ферма, покосы – все развалилось. Да, времена нынче не те. Нашел чего?

Алексей показал ладонь, на которой лежали пробки и медная цепочка, служившая когда-то запором калитки.

– Да, негусто, – усмехнулся дед, – тут и нет ничего. Тебе бы подальше, тут недалеко была деревня, Сибирь звалась, вот там, наверно, много чего найдешь.

– А где эта Сибирь?

– Я и не знаю, старики рассказывали, там дома стояли еще до войны, а потом уж всё бросили. Так вот, в этих домах подвалы были глубокие, каменные, люди были зажиточные, в тех подвалах-то и хранили свои богатства. В Сибирь тебе надо, точно туда, милоч.

– Эй, Петрович, здорова! – сзади неожиданно подошел еще мужик.

Алексей даже вздрогнул.

– Спирта нету у тя, Петрович? – спросил подошедший, суровый внешний вид которого портил лишь его маленький росточек. На мужике была выдавшая виды болоньевая курточка с эмблемой Спартакиады народов РСФСР 1986 года, замызганные штаны неизвестного происхождения и рваные кроссовки времен ещё СССР.

– Митька, скока раз говорил тебе, нету у меня спирта! Шел бы вон грядку вскопал, может быть, шкалик и налил, дак ты же не идешь, – беззлобно пробурчал дедок.

– Петрович, не могу я, ноги не держат, уж везде поискал, одеколон у Вальки выпил – не отпускает. Ты бы мне хоть сто рублей дал, а? Я бы в магазин, там уже под запись не отоваривают, а?

– Я те давал пятьдесят рублей за теплицу аванс, а ты чё? Ты нажрался и не поставил. Самому три дня пришлось накрывать. Нет, Митька, не дам!

– А ты, парень, дай сто рублей, а? – обратился Митька к чувствующему себя не в своей тарелке Алексею.

– Чё пристаешь к людям? Иди своей дорогой, – заступился дедок за приезжего.

– Помоги, Христа ради, дай сто рублей, – продолжал цепляться за рукав куртки Алексея Митька, – умру ведь, парень, не бери греха на душу, дай, а?

Дедок демонстративно отошел от забора, для порядку сказав:

– Ты, Плеснин, тунядец. Таких в наше время в милицию забирали.

Алексей, оставшись один на один с Митькой Плесниным, решил откупиться, залез в карман, достал кошелек, извлёк купюру в сто рублей. Митька завороченно стоял, глядя на желаемое действие, а получив заветные деньги, заковылял прочь, бубня под нос:

– Ну вот, человек нашелся, не то, что ты, Петрович. Да я сам, может, в милиции работал, да я, может...

– Зря ты ему денег дал, – издали крикнул дедок, поплевал на ладони и взялся за лопату.

Алексей продолжил свои поиски. Кроме извлеченного ранее ему попались гвозди, пряжка от туфель и монетка в три копейки, которой он был несказанно рад. В процессе раскопок, которые изрядно увлекли его, он не заметил, как сзади застрекотал мотор. Когда огля-

нул, на черном дорогом квадроцикле восседал уверенный в себе мужчина, заинтересованно и в то же время озабоченно разглядывая Алексея.

– Привет, – с нажимом произнес мужчина, давая понять, кто тут хозяин положения. – Чего ищем?

Алексей, не желая конфликта, ответил правду:

– Купил металлоискатель, пробу. Ничего не ищу. Просто так, для опыта и время убить. Вот, монетку нашел.

– Какую? – еще жестче спросил моторизованный собеседник.

Алексей показал. Взгляд мужчины смягчился.

– Советская. Да, раньше много монеток теряли. Я пацаном был, собирал, на мороженку хватало. А деревня наша старая, наверно, в земле за века много чего осталось. Только ты не там ищешь, как плотину построили, старую деревню затопило, вон сейчас видны фундаменты, видишь – внизу, у воды.

Мужчина указал властным пальцем вниз, на берег, где после сошедшего льда оголилась часть прибрежного дна. На глинистой, частично покрытой черным илом почве явно просматривались желто-серые плоские известняковые камни, уложенные правильными прямоугольниками.

– Вот там поищи, может, чего интересного найдешь, – назидательно произнёс мужчина, взревел мотором квадроцикла и красиво укатил, обдав Алексея сладковатым дымом выхлопа.

Алексей же направился к фундаментам, казавшимся всего лишь камнями, такими же, как и камни на берегу чуть дальше, у моста, если бы не их упорядоченность. Побродив по глине и илу, раскопав кучу банок и пробок, неожиданно для себя он выковырнул из земли зеленоватый кругляк. «Монета», – в ажиотаже подумал он и стал лихорадочно очищать кругляк в воде, утонув по щиколотки в грязи. Кругляк действительно оказался монетой, да не какой-нибудь, царской, на плоскостях слабо просматривался двуглавый орел и номинал: пять копеек, год одна тысяча восемьсот восемьдесят третий.

«Вот, настоящая находка! Повезло! Здесь есть клад!» – неслись сладкие мысли в его голове, в ушах звучали фанфары, воображение рисовало картины того, как он покажет друзьям – Виктору, Андрею, остальным – плоды своего увлечения. Алексей с воодушевлением начал копать дальше, проверяя прибором каждый квадратный метр земли у старых фундаментов, но через час поисков в его кармане звенели лишь пара советских копеек да полусгнившие часы «Чайка», видно, оброненные невнимательной женщиной в процессе мытья посуды с мостков.

– Бог в помощь, – слышалось позади.

Алексей устало обернулся. На бревнышке, шурясь, как кот после обеда, сидел деревенский Митька Плеснин, довольный, только что употребивший необходимое для излечения количество горьчительного.

– Вот, помог, друг, а то помер бы. Вишь, денег нету, а трубы горят, так горят, а никто не наливает, мало ли уже померло народу от этого...

– Ты бы не пил много, – пробурчал Алексей, недовольный, что прервали его поиски.

– Так как не пить? Сожительница бьет, Ваську посадили, друга, срок мотает опять. Я-то по малолетке отсидел тоже. Работы нет, раньше, когда совхоз был, придешь, бывало, на ферму, вон они там стояли, наверху, щас одни развалины, навоз убрать, комбикорм рассыпать, поработаешь, аванс получишь, бутылочку государственной купишь. И голова не болит. А щас травят ить, едрить их. Чего тока не пил – одеколон, денатурат, кабы не сдохнуть. Да, раньше была жисть, а щас доживаю. Ты чего тут ищешь-то?

Алексей вкратце пояснил, понимая, что просто так от Митьки местного не отвязаться.

– А, эт тебе Николаич подсказал, – определил Митька по описанию серьезного мужчину на квадроцикле, – он тут ездит, да вон его дом стоит на том берегу. В детстве-то вместе с ним

туда лазали, вон там мать у него живет, понимаешь, а щас-то он кто? А я кто? Эх, паря, может, еще дашь сто рублей, а?

Алексей отрицательно помотал головой.

– А я тебе расскажу, где клады у нас зарыты... – заговорщицки подмигнул Митька.

Это на Алексея подействовало, по наводке Николаича он кладов пока не обнаружил, но берег был уже почти полностью перекопан. Он достал из кармана купюру и передал мужику. Тот аккуратно сложил ее, выудил откуда-то папиросу, засмолил, шурясь на солнце.

– Так вот, паря, здесь домов-то не было, мне еще батя говорил, дома, где стояли у нас в деревне, там и стоят. Кто ж на речке дома ставить будет? Половодье или еще чего, понимаешь? Тут сарайки стояли рыбацкие, под лодки, под сети. Поэтому и нету тут ниче. А вот я знаю, где есть. Садись, кури, – указал Митька на бревно рядом. Алексей сел, но курить не стал. Внимательно слушал: вдруг местный и правда знает что-то?

А Митька, разогревшись на солнышке и закулив очередную папиросу, плавно, по-деревенски повел рассказ:

– Был у меня кореш заветный, Коля. Мы с ним и шук кололи на Туе, и коров своих имели, пасли вместе, пили, да, бывало, вон к дачникам на работы подражались. Было время, жил я, и он жил. Жил со своей женой тут, недалеко. Жил, жил, да весь выжил. А почему? А я скажу. Вот как-то раз он меня зовет на покос – запасти сена на зиму, больше брать негде, совхоз давно умер, ни спереть, ни одолжить, понимаешь? Так вот, покосы-то у всех расписаны, на чужом не скосить, вот Колька и решил подальше, в лес. Тут на тракторе если, то можно до Журавлей добраться посуху, это там, у Черной, была деревня, да вся вышла. Ну, мы туда сунулись, а там мужик с Полазны уже косит, падла. Тут кто успел – того и тапки, понимаешь? Ну мы туды-сюды помыкались – ни в какую, нет места. Тогда Колян и говорит, мол, поехали за Лябово, там места травные, поля старые, сена – завались. А Лябово эт уже напротив Добрянки. Туда дорога раньше была, а щас – никак, понимаешь?

Я Колян говорю – не вывезем же, а он мне – вывезем, лодку возьмем у Соколова или у Зенкова. На ней тихонько вывезем. Ну, собрались мы, косы, лодку, жена у Коляна с нами, я-то холостой, понимаешь? Как грузились, я под мухой был, вывалился, замочился весь, нет, говорю, не поеду пока, высохну. А они поехали, потом, говорят, тебя заберем, под вечер. Ну и уехали. А вернулись только на следующий день – ни сена, ни кос, глазища бешеные, женка орет, как оглашенная. Я Колян налил полтинник. Спрашиваю – чё, где, весь вечер ждал, мол. А он выпил да давай рассказывать. Как рассказывал – аж дрожь по всему телу. Приехали, говорит, ветра нет, по бережку шли, Лябово прошли, к берегу крутому пристали, где раньше деревня была, Бутыры звалась. Там нашли балочку, и по ней наверх. Трава – загляденье, никто лет десять не косил. А может, и поболее. Ну, косить стали, выкосили лужок, с устатку выпил Колян, женка еду развязала, пообедал сели. Ну, пообедали, солнце печёт, решили подождать до вечерней зорьки, еще покосить. А делать-то нечего, давай по старой деревне бродить, там ямы от домов, крепкие ямы, с подвалами, камнем всё выложено. Дома какие сгнили, какие, видать, вывезли, а подвалы остались. Ну, полазали – пусто. И тут Колян заметил на пригорке самом ямину, даже не яму, а дыру, как вход будто. Целиковый подвалище. Женка-то говорит ему: тута церковь была, вишь, на пригорке, и реку видать. Колян туда, женка с ним, залезли— а там пещера, глубокая, длинная, проход под землей. А в конце прохода огромный подвалище. У них спички только были, Колян зажег – нет конца подвалу, стенки камнем выложены, темень вокруг адская и тишина. Ну, пошли дальше, склизко, оступаются, но идут, Колян спички жжет. И вот видит под огоньком-то сверкнуло что-то. Он спичку поднес – золото, посуда золотая, камения всякие, я те говорю! Женка давай брать посуду, да тут из тьмы глас как завоет нечеловеческий. Колян спичку повыше, а там тень черная к ним подступает и воет по-звериному, а потом еще тени жуткие со всех сторон поперли. Ну они бежать. Да выхода найти не могут, а тени эти все ближе и ближе, много их, женка потом говорила, мол, души невинно убиенных это

и оборотни, что церковь порушили, сокровища там свои хоронят, никому не дают. Носились Колян с женой там, ховались от привидений долго, пока выход не нащупали, а как вышли – уж утро было, солнце встает. Как были грязные, ободранные, кинулись в лодку и ну оттуда, косы забыли, о сене и не вспомнили, до деревни долетели враз, а пока плыли, с берега от Бутыр всё вопли ужасные слышали. Я хотел туда тоже стонять, да как-то боязно, понимаешь? Косы потом новые справили, покос поближе нашли, но Колян на пузырь подсел, да и умер на следующий год, а жена его в город уехала. Говорила на похоронах, что демоны те Коляна сгноили за то, что тайну их раскрыл. Больше туда никто не ездил, а почитай лет семь-десять уже прошло с той поры. Колян-то тут лежит, на кладбище, сходить бы надо, помянуть кореша. Вот там сокровища лежат, там и ищи, если не дрейфишь, паря.

Алексей заворуженно выслушал рассказ, пропустив мимо ушей деревенские ужасы. Потом спросил:

– А где эти Бутыры?

– А вон там, по реке километров двадцать. Или с сенькинского пастбища можно, там недалеко. Через Туй, потом пехом верст пять – и на месте.

– А на машине проехать?

Митька отрицательно покачал головой:

– Не, на машине не проехать, даж если узик. В давние времена броды были и гати, мосты, а шас всё сгнило давно. Ну ладно, паря, пойду, приму с устатку, а то опять припирает.

Митька поднялся, нащупал сторублевку и отправился в сторону магазина, оставив Алексея сидеть на бревнышке. Солнце стояло в зените, вода едва рябила от слабого ветерка, в кармане Алексея лежала заветная монетка, в голове зрел стратегический план...

Плану этому сбыться было не суждено, сначала запарка на работе, потом друзья согласились провести пару вечеров за рюмкой коньяка в выходные. А когда он наконец приехал в деревню, уже в июне, стало совсем тепло и солнечно. Дети и нетрезвые взрослые вовсю барахтались в речке возле поредевших рыбаков, еще пытающихся поймать последнюю шальную рыбку начала сезона. Тут и произошло нечто из ряда вон выходящее.

Алексей прибыл в деревню уже днем. Он задержался в городе, упаковывая надувную лодку и маленький мотор, которые взял у друзей на выходные. Остановившись у церкви, оглядел место спуска на воду, выбрал полуостров, заполненный отдыхающими. Осторожно пробравшись между машинами и телами, распростертыми на пляжных ковриках и просто на траве, остановился, вышел. Обстановка была сложная, все подходы к воде, более-менее удобные, были заняты группами туристов, уже вовсю жаривших шашлыки, потребляющих водку и пиво. Дымы мангалов разносили сладкий запах несвежего мяса, дети и толстые тети плескались у берега, соответственно, места даже для сброса лодки практически не было. Алексей осторожно подошел к группе отдыхающих с предложением немного подвинуться на время, чтобы он мог спустить надувнушку, но в ответ услышал визгливый голосок тетки, молчаливо поддержанный ее пузатым дядькой:

– Чё тут нам мешаешь? Шляются тут. Мы с утра место заняли, это наше место, мы тут всегда останавливаемся!

На этот возглас Алексей лишь тяжело вздохнул, почесывая голову и думая, что бы предпринять. Но спусков подходящих не было. Он было уже плюнул, решив, что спустится на воду где-нибудь в другом месте, но вдруг кто-то мягко тронул его за руку. Алексей судорожно обернулся, готовый ко всему. Но к этому он готов не был. На него смотрела девушка, насмешливо склонив голову, мягко улыбаясь. Светлые волосы чуть развевал теплый ветерок, и от этого они казались воздушными, неземными. Серые глаза незнакомки были прищурены, то ли от яркого солнца, то ли от улыбки, блуждающей по ее чересчур правильному, как ему показалось, лицу. А опустив взгляд ниже, Алексей содрогнулся от полуобнаженной красоты ее тела, облаченного в черное бикини, которое подчеркивало белизну кожи, лишь чуть бронзовевшей в лучах зем-

ного светила. Плавные линии фигуры незнакомки настолько ввели Алексея в ступор, что он, не мигая, оторопело и, наверное, по мнению девушки, нагло пожирал глазами всю ее с ног до головы. К ним подошла другая, видимо, подружка, невысокая, темноволосая, с типичными чертами уральской породы, смешливая и живая.

– Вероник, ну чего ты засмущала мужчинку. И вообще, у тебя есть уже красавец из Питера, давай-ка, уступи мне этого, – смеясь, ткнула подружка незнакомку. Та не обратила на слова никакого внимания, лишь склонив голову в другую сторону. От этого движения волосы соскользнули в тень, ее шея подставилась свету и непреодолимо увлекла Алексея бархатом кожи, чуть напряженными мышцами и вообще, той странной красотой тела, которую воспевали поэты и художники много веков.

– Вам надо кусочек берега? – бархатный голос девушки с чуть расплывающимся звуком «р», который придавал ему еще больше шарма, вывел Алексея из оцепенения.

– Да, да, мне бы вот только лодку надувную спустить, я ненадолго... – Слова застревают в горле, Алексей был действительно и неожиданно смущен. Обычно девушки к нему первыми не обращались, да еще при таких обстоятельствах.

– Так вот, мы тут загораем, у нас есть место, милости просим. Жанна, ты подвинь покрывало. Пусть молодой человек лодку спустит.

– А пусть еще нас покатает на ней! – Жанна не упускала возможности получить бонус.

– Покатаете? – улыбнулась Вероника.

– Конечно, покатаю, почему бы и нет... – произнес Алексей. Похоже, путешествие к Бутырам и сокровищам откладывалось.

Лодка была накачана быстро, моторчик поставлен и затарахтел. Девушки с визгом, брызгаясь и хохоча, залезли в лодку, и Алексей, будучи совсем не подготовленным к такому повороту дел, не имея в запасе плавок и прочего купально-пляжного снаряжения, тем не менее с азартом возил их по заливу, показывая дом Виктора, рассказывая о рыбалке, о поиске монет, о смешных историях с друзьями, нес полную чушь, но был почему-то безмерно счастлив.

Уже и сварливые соседи снялись со своего насиженного места, оставив груды мусора, уже солнце приближалось своим краем к далекой, лежащей где-то на юге Перми, уже темненькая Жанна, поняв, что Алексей не обращает на нее никакого внимания, чуть заскучала, болтая в воде ногами, свешенными через борт лодки, а Вероника и он находили все новые темы для ничего не значащих бесед. К вечеру, причалив к берегу, Алексей, глотая комок в горле, неожиданно подступивший к нему, предложил подвезти девушек до города, но Вероника покачала головой:

– Мы на машине, Жанна недавно права получила, так что сами доберемся.

– А мы еще увидимся? – спросил Алексей совсем уже тихо.

– Мы постараемся, – засмеялась Вероника, диктуя номер телефона, который Алексей судорожно пытался забить в свой смартфон. Пальцы дрожали, не попадали в нужные точки экрана, а когда он все-таки записал и поднял глаза, то увидел лишь пыль от отъезжающего маленького автомобильчика, уносящего в неизвестность существо, которое оказалось почему-то добрым и привлекательным. Он сел на примятую туристами траву, обхватил голову руками и начал анализировать происшедшее.

А произошедшее было из ряда вон выходящим: Алексей давно, скорее даже никогда не влюблялся. Да и сейчас он испытывал нечто неясное, может быть, влечение, обыкновенное, как у всех, лишь подернутое налетом деревенской романтики. Скорее всего, это было именно так, любовь, как чувство осознанное, к нему не пришла, да и не могла прийти за тот короткий миг общения. Ему хотелось увидеть эту женщину еще раз, сказать ей что-то сокровенное, что он не мог сказать даже друзьям, даже себе, узнать о ней еще больше, просто поболтать ни о чем или как раз о чем-то важном, интересном, серьезном.

* * *

Вероника сидела дома за книжкой малоизвестного современного автора и мечтала. Мечты были разнонаправленные, хаотичные. Сначала воображение рисовало ей картинки счастливой жизни с любимым мужчиной, красивые, яркие, как средиземноморское утро. Но при образе любимого мужчины всплывал Станислав Николаевич, человек мудрый, элегантный, не бедный, зато скучноватый и неромантичный. Вероника вздыхала, не понимая, что ей с ним делать, но другого кандидата в любимые мужчины не было.

Далее сознание предлагало ей решить дилемму: спать со Станиславом Николаевичем или нет. Вроде бы уже и пора, нельзя оставлять мужчину долго в состоянии ожидания, но, с другой стороны, он сам не очень требовал близости, непонятно чем руководствуясь, а Вероника еще была не готова, ожидая поступка, действия, знака с его стороны. Хотя, скорее всего, она его не любила, просто среди всех он был лучший.

Ах, где они, эти все? Кирилл, с которым она вынуждена была поддерживать ничего не значащие отношения, поскольку Садомский продолжал с ним работать, какие-то люди из прошлого, сокурсники, что выбились в люди, начальник на работе – нет, это были не мужчины ее мечты. Мужчина мечты должен быть красивым, умным, смелым, решительным и веселым. И еще любить её, Веронику. И она должна его любить. Иначе никак. Но она никого не любила.

Вероника честно пыталась возбудить в себе это чувство, еще не испытанное, но по книгам такое приятное. При каждой встрече она ставила возможного избранника в ситуации, описанные в книгах, и каждый раз мужчины не выдерживали испытания ее воображением. Вот, например, Станислав Николаевич. Если бы вдруг она стала заложницей зла, попала в лапы нехороших людей, ей нужна была бы помощь героя, то представить героем Станислава Николаевича, карабкающегося по неприступным скалам ее темницы или защищающего ее от злых сил посредством своей воли и мышц, она никак не могла. Но романтика и жизнь – две разные вещи, Вероника это понимала. Жизнь скучна и материальна, она требует крепкого плеча, пусть даже финансового, а это плечо у Садомского было крепко. Поэтому Вероника оставляла Станиславу Николаевичу огромный шанс. Огромный, но не стопроцентный.

Почему-то Алексей, тот мужчина, что долго и безуспешно искал место для своей надувной лодки на камском берегу, а потом катал их с подружкой на этой самой лодочке, не стирался из памяти. При чем ничего такого в нём не было: ни молодости, ни особой красоты, ни суперинтеллекта. Но она дала ему свой номер и отчасти ждала звонка от него, хотя зачем, для чего – она не осознавала. То ли рассказы о поиске сокровищ, то ли та самоотверженность, с которой он решил изменить свои планы, а они точно были другими, ради благодарности или еще чего-нибудь, оставили след в памяти Вероники и надежду на что-то новое и неизведанное, возможно, на любовь.

И он позвонил, правда, спустя неделю, она уже и имя его забыла, но тот самый голос в трубке напомнил ей всё, что было. Голос звал прогуляться по улице, было даже странно, обычно все мужчины звали в кафе, ресторан или сразу в гостиницу. Погулять хотелось, дома уже изрядно все поднадоело, и Вероника с энтузиазмом согласилась. Они встретились у галереи, у лестницы, ведущей на набережную. Обычно Вероника ограничивалась этой лестницей: внизу было грязно, мусорно, бомжи в достаточных количествах встречались в прибрежных кустах, особенно летом, распивая там свои настойки, но Алексей увлек ее туда, и она, доверившись ему, пошла рядом.

Ни мусор, ни лица без определенного места жительства, как и прочие маргинально-опьяненные элементы, никуда не исчезли, все было как всегда, но, чувствуя рядом Алексея, который как ни в чем не бывало шагал от лестницы вдоль ограждения набережной в сторону старого речного вокзала, болтая о том, как здесь стало красиво и романтично, Вероника перестала

вдруг замечать все нехорошее, а в глазах ее были лишь волны Камы, редкие рыбаки, раскинувшие свои немудреные снасти на бетонке берега, зеленые кусты с уже почти отцветшими редкими соцветиями сирени и шиповника и он, мужчина, который все преобразил всего лишь своим присутствием. Выяснив, что Вероника историк по образованию, Алексей восхитился этим и тут же затеял спор о греческой цивилизации, в истории которой она была дока – сдавала госник по теме.

– Вот, скажи, почему греческая цивилизация была великой? – улыбаясь загадочно, спрашивал Алексей, надеясь, видимо, завести дипломированного историка в тупик. Вероника сначала отшучивалась, но в конце концов сдалась, выложив все, что знала, и приплюсовав свои выводы:

– Греческая цивилизация, точнее, культура стала великой из-за наличия множества артефактов, которые сохранились до наших времен. Хотя кроме нее были не менее великие цивилизации, по временному интервалу ей соответствующие – шумерская, вавилонская, ассирийская. Но лишь на развалинах греческой культуры зародилась аналогичная ей и взявшая все хорошее из предыдущей – римская. Соответственно, все вещи, оставшиеся от греков, были бережно извлечены, скопированы, сохранены, лишь поэтому мы можем теперь говорить о греках, как о великой культуре, и считать их основоположниками философии, математики, художественной литературы и прочего. Остальным же цивилизациям повезло меньше, Малая Азия и Восток всегда были местом раздора, войн и смены религий, отрицающей одна другую, артефакты были уничтожены или не найдены. Поэтому и стала греческая цивилизация великой.

Алексей был подавлен. Еще не так давно на даче Виктора диспут по той же теме был им проигран за недостатком знаний. А тут хрупкая девушка вмиг разложила всё по полочкам. Это был вызов его разуму. Интеллектуальные возможности собеседницы его раззадорили, и он решил углубиться в тему при первой возможности.

– Кстати, – добила его Вероника, – например, рукописи Геродота были найдены в монастыре в четырнадцатом веке, это были списки позднего времени, автор неизвестен, но подписаны были Геродотом, имя которого упоминалось на скульптурах и мраморных плитах Древней Греции. Так что существование Геродота, а тем более Гомера подтверждено лишь косвенно, и авторство трудов, приписываемых им, тоже не доказано. – Вероника улыбалась, видя озадаченность Алексея. Она не хотела его унизить своими знаниями, но раньше никто и никогда ее не слушал так, как он, проявляя интерес не только к формам, но и к уму. Поэтому Веронике несло, она готова была выложить всё, что знала, и даже свою сомнительную интерпретацию.

– Так вот, резюмирую, Алеша, греческая культура стала великой лишь по стечению обстоятельств и умыслу последующих поколений, которые на основе философии, культуры и гражданского строя Греции воздвигли современную западную цивилизацию. Если бы общество приняло законы шумеров, то, вероятно, наша цивилизация была бы совсем не похожа на ту, в которой мы существуем.

Вероника закончила свою тираду утвердительным взмахом руки. Алексей, поразмыслив, спросил:

– Стало быть, вся наша история – это сфабрикованный властью имущими околонуточный миф?

Вероника смутилась, таких выводов она не делала, тем более что если это так, то ее историческое образование выглядело совершенно ненужным и даже вредным.

– Нет, ты сильно преувеличиваешь. Я хотела сказать, что некоторые моменты истории туманны и спорны, если их внимательно изучить.

– Я не силен в истории, – признался Алексей, слегка подпинывая жестяную банку из-под пива, валявшуюся на дорожке, – в силу своих лет я лишь иногда задумываюсь над смыслом жизни. Но не нахожу ответа. Вот скажи, в чем смысл нашего существования?

Вероника задумалась, пытаясь вспомнить курс философии, но на ум ничего, кроме яйца и курицы, не шло. Да и ее этот вопрос интересовал мало, жизнь текла, как речка, она плыла по ней, как лодочка, над ней чирикали птицы, вода была теплая, а лодочка красивая и легкая. Что было позади, за спиной, она не вспоминала, а что там, за поворотом речки, ее не очень интересовало.

– Смысл жизни, Алеша, в том, что надо просто жить. Жизнь дана нам, в жизни есть много прекрасного, поэтому надо наслаждаться этим прекрасным и ни о чем не задумываться. Вот так я считаю. – Вероника закружилась на носках туфелек и побежала вперед по набережной. Алексей пробурчал себе под нос:

– А что, если всё прекрасное уже не кажется прекрасным... – но, видя, что Вероника удаляется от него, тоже припустил трусцой, пытаясь догнать такую непонятную, умную и беззаботную одновременно женщину...

* * *

Лето набирало обороты, насколько это возможно на Урале. Температура воздуха плавала, то подтверждая теорию всеобщего потепления, то разрушая ее совсем унылой ветреной и холодной погодой. Приближались желанные две недели короткого июля, когда, возможно, бог смилостивится над обитателями самой спокойной части мира и подарит им тепло на эти долгие дни, чтобы прогрелась вода и те, кто не улетел в теплые зарубежные края, смогли бы залезть в многочисленные речки, совершить омовение и выйти обновленными, дабы весело продолжить дальше свое немудреное существование на берегу со священными алкогольными напитками и жертвенным огнем, очищающим куриное и прочее мясо от сальмонелл.

Алексей, семимильными шагами продвигаясь по пути освоения нового хобби, познакомился на сайте кладоискателей со многими черными копателями, но ни с кем не сошелся в силу характера, они ему не нравились, кто жадной наживы, а кто просто на лицо был кривоват. Однажды ему позвонил мимолетный знакомый, предложив поехать покопать монетки в сторону Верхнечусовских Городков, уже шестьдесят лет лежавших под темной водой Камского водохранилища. Там, у переправы, где давным-давно проходила дорога, ведущая в старинную вотчину Строгановых, находилась Мекка пермских кладоискателей. Весь берег был исхожен молчаливыми и сосредоточенными людьми с лопатами на плече, с исступленно пищащими на все лады металлоискателями. Кому-то из них везло, они копали глинистую землю и вытаскивали изъеденные водой и временем кружочки монеток, даже серебряных, «чешуйки» времен первых Романовых, кому-то нет, и они уезжали ни с чем, насладившись только чистым воздухом.

Выехали рано утром, часа в четыре, забрав по дороге еще одного малоприятного человека, отрекомендовавшегося старым коллекционером и знатоком мест для поиска. Алексей поморщился, но поскольку свои места для кладоискательства кроме пресловутых Бутыр не знал, то скрепя сердце согласился и даже поддерживал беседу, пока ехали до точки. По дороге малоприятная личность тыкала заскорузлым пальцем в стекло автомобиля, сообщая, что, где и когда он находил. Неожиданно человек попросил свернуть в сторону села Успенки. На вопрос «зачем» только хмыкнул, сказав: «Увидите». С асфальта Алексей по указке того же кладоискателя свернул на свежесыпанную грунтовку и, проехав метров триста, остановился.

– Вот, видите, – многозначительно произнес кладоискатель, а второй знакомый Алексея возбужденно спросил:

– Оттуда?

– Оттуда, – подтвердил кладоискатель и начал выгружаться. Пока Алексей собирал свой немудреный металлоискатель, человек уже увлеченно что-то искал в хорошо утрамбованной

гравийной дороге, побряхтывая от удовольствия, как будто ел что-то вкусное. Знакомый Алексей пояснил:

– Со дна реки, где Городки стояли, гравий добывали и отсыпали эту дорогу. Тут монетосов, должно быть, куча, понимаешь?

С этими словами знакомый начал махать прибором и ковырять трудно поддающийся гравий. Пока Алексей собирался, второй кладоискатель уже дошел до конца дороги и возвращался обратно. Ничего не оставалось, как идти по проверенным уже местам. Алексею попала одна советская монетка через час поисков, два других охотника за сокровищами уже стояли у машины и перебирали находки.

– Во, смотри, «николашка», вот «алексашка», вот копейка серебром, ничего, что мятые, почистим, поправим, на рынке продадим.

– Ага, – вторил другой.

Алексей невесело, разочарованно и отчасти брезгливо смотрел на двух копателей. Продавать находки он никогда не думал, увлечение, считал он, не средство наживы. В обществе этих двух барыг ему было не по себе.

– Чё у тебя? – заинтересованно спросили копатели. Алексей показал мятую, трудночитаемую монетку.

– Ну, ничего, лиха беда начало, сейчас на Городки поедем, там разживемся.

Алексей обреченно сел за руль и поехал в нужном направлении под непрекращающийся говор о цене и продажах.

– Вот эту за сто рубликов, эту за двести, а эту и за триста толкнуть можно, только почищу... Нормально сгоняли.

На берегу Чусовой все разбежались в разные стороны, но удача никак не поворачивалась к Алексею. У других же было что показать.

– Во, смотри, это уровень Эрмитажа! Это же пробная штамповка! Да я читал, таких только семь штук! – восхищенно говорил один, катая в ладони мятый темный кругляш, который на уровень даже деревенского музея, по мнению Алексея, не тянул. Но он вслушивался, завидуя удаче, потому что у него даже советской копейки не звенело. Расстроившись вконец, он решил больше с этими людьми на коп не ездить...

А лето все набирало обороты, по полям росла трава по колено, и продолжение карьеры черного копателя ставилось под вопрос: в траве много металлоискателем не помашешь. Да и где искать эти сокровища, которые никак не давались? Спасение пришло неожиданно – его школьный товарищ, увлеченный коллекционер, тоже купил прибор, да еще имел старые планы генерального межевания Российской империи. Ничтоже сумняшеся он передал Алексею старые карты, в которые тот и углубился, забыв все на свете. В итоге на берегу Обвы была обнаружена и раскопана исчезнувшая деревня, причем с находками монеток. Первая удача так окрылила Алексея, что он уже ни о чем не думал, кроме монет, раскопок и приятных находок, которыми он с удовольствием хвастался перед друзьями. Приятное ощущение славы и величия, которых хотят все, признание хотя бы для себя самого важности своего существования и успеха хоть в чем-то, поглотило Алексея, даря счастье, то сиюминутное чувство «жизни сейчас», о котором говорила ему Вероника на набережной Камы.

Одноклассник оказался вполне вменяемым и дружелюбным человеком. Они ездили в разные места, искали сокровища, иной раз находили немного монет, но клад, настоящий, который показывают по телевизору и о котором пишут в книжках, так им и не дался. То ли всё выкопали до них, то ли не в тех местах копали. Приятель, теперь перешедший в разряд друзей, звался Михаилом, был образован, увлекался историей и слыл самым уважаемым нумизматом из всех тайных коллекционеров Перми. В процессе поездок по краю Миша знакомил Алексея с различными перипетиями истории малой родины, о которых все умалчивали. Одна из историй была рассказана во время поездки в заброшенную деревню на берегу Камы.

Тогда, после долгой тряски по проселку, они приехали по наводке старой карты в живописнейшее место, где в Каму впадала малая речка. Берег был обрывистый, но не очень крутой, а у кромки воды простирался песчаный пляж. Вездесущие отдыхающие были, но ограниченным числом в силу труднодоступности. Дома стояли, оголив стропила, как ребра доисторических животных, сиротливо глядясь в воды, как будто стесняясь своей обнаженности и неказистости. Поиск по берегу ничего не дал, кроме ржавых гвоздей, на деревне ловить было нечего в силу разросшегося по неизвестной причине борщевика. Раньше, когда Алексей был маленьким, он в местной природе не появлялся. Друзья присели на завалину более-менее целого дома и развернули бутерброды, любовно приготовленные женой Миши.

– Жена собирала? – риторически произнес Алексей, впиваясь зубами в смачный бутерброд.

– Ага, – кивнул Михаил.

– Ну как, жене не изменяешь? – с улыбкой, жуя, пробормотал Алексей, чем вызвал бурную, насколько это возможно у флегматика Миши, реакцию.

– Я нет. Я ортодокс. Семья для меня – всё. Только ради нее существую. Для меня других женщин нет – и точка.

– Я слышал, ты православный, верующий?

– Да иначе никак, русский я, русский человек без веры православной не может жить правильно.

– Может, ты и прав, но христианская религия, насколько я знаю, в современном мире несколько устарела. Ее постулаты не выдерживают простейшей критики. Например, Ветхий Завет – это же сказка для темных людей. Собственно говоря, и Новый Завет несет в себе много неясного, сказочного и смешного: Иисус мог бы избежать казни, ведя себя поестественней, а воскрешение Лазаря вообще выглядит мифом.

– Иисус умер за людей, показав своей смертью, что он готов на всё ради спасения мира и духовной его составляющей, – твердо ответил Миша, даже перестав жевать.

– Ну хорошо, ну а зачем же бог-отец допустил эту смерть?

– Он тоже хотел показать людям, не верящим в него и не желающим спасения, что ради них он жертвует своим единственным сыном.

– А ты бы пожертвовал своим сыном ради идеи?

Миша опустил глаза в землю, что-то нечленораздельно промычал. Стало ясно, что вопрос некорректный.

– Ладно, в церковь-то ходишь?

– Хожу иногда, очень часто общаюсь с настоятелем храма. Он умен, доктор исторических наук, преподает в университете, написал много трудов. Правда, человек очень занятой, редко вижу с ним.

Алексей поразился, спросив:

– А когда он успевает заниматься своим непосредственным трудом?

– Каким?

– Души спасать.

– Он служит в храме...

– Ну, служба службой, а приветить сирого, убогого, мятущегося? Меня, например.

– Так давай, я договорюсь. Правда, он в командировке, в Москву уехал нынче.

– Вот я о том же. Если ты уж в попы подался, так служи Богу, привечай, спасай, говори с людьми, а не диссертации защищай, как мирской. Нет, религия наша – это способ заработать деньги, так мне кажется.

– Ну... Дети у него в церковь не ходят, не может их приучить, заставить. Может, в чем-то ты и прав. Но всё равно...

Алексей достал термос, предложил чаю. Беседа прервалась.

– Ну что, полезем в дома, может, чего найдем?

Друзья вскарабкались по брёвнам на чердак, потом обследовали развалины внутри. Добычей их были пара бутылок от «Пшеничной» по три сорок – этикетка еще сохранилась, – да бутылки вычурной формы из-под советского парфюма. Еще нашли пару старых газет и журнал «Крокодил» за 1981 год. Вылезли, отряхнулись и стали собираться домой. Уже у машины Миша поведал историю.

– Помнишь, с нами учился один товарищ до восьмого класса?

Алексей с трудом припомнил по описанию, кивнул.

– Так вот, у него дед работал ответственным советским работником, то ли по партийной части, то ли по хозяйственной, не важно, важно, что был у него кабинет личный в центре города, на Большевицкой улице, в старых домах. Дело было в шестидесятых. И вот однажды сидит он там, бумаги разбирает, вдруг стук в дверь. Заходит мужик, невзрачный, простой, за плечами рюкзак. Дед спрашивает – вы к кому? Мужик прикрывает дверь и шепотом говорит, мол, к вам. Дед естественно удивляется, по какому, мол, вопросу. Мужик подходит к нему и опять шепотом историю рассказывает: до революции в этом доме у него жила семья, бабушка, дедушка и мать. Дом был их, купцы они, я посмотрел в архивах – правда, жили такие. Сейчас этот дом снесли, он деревянный был, одни воспоминания остались. Так вот, мужик вещает дальше, мол, в этом доме, и не где-нибудь, а по точным данным, рассказанным покойной матерью, именно в этом кабинете, что раньше был гостиной, за стенкой, которая прямо за спиной ответственного начальника, припрятан клад: столовое серебро, украшения и прочее нажитое купцами добро. Не смогли они его вывезти в девятнадцатом году, перед тем, как красные в Пермь вошли, погнав колчаковские войска. Дед, естественно, не верит, смеется и пытается незваного гостя выпроводить. Но не тут-то было. Гость из рюкзака достает молоток и ну подступать к ответственному советскому работнику. Дед уже за стул спрятался, думает – совсем больной, психбольница по нему плачет. А гость как шарахнет по стене за столом молотком, да не раз, разбил всю штукатурку, дыра зияет, а из дыры ложки, вилки, подсвечники посыпались серебряные, темные от времени. Тут дедом нашего одноклассника овладела жажда наживы, он вместе с мужичком давай стену раскурочивать, а там все больше и больше добра. На столе разложили, мужичок и говорит: «Ты молчи, тебе половина», – а сам свою половину в рюкзак сгреб и ушел восвояси. Ответственный работник стоит, на богатство смотрит, что делать – не знает, а тут его личный водитель заходит. Ну, естественно, у того челюсть отвисла, у деда тоже, он по пути незнакомца пошел, «на – говорит – тебе часть, только молчи» – и сунул водителю побрякушки. Тот поклялся в верности, забрал да в ломбард все сразу загнал и нажрался, пил три дня, пока его в милицию не забрали. Там он и рассказал всё. Ему пятнадцать суток, а деда, ответственного советского работника, в кутузку, все отобрали и на зону на десять лет. Вот так. А ты говоришь – клад не найдем. Найдем!

Алексей и Михаил уехали в город, договорившись, что в следующие выходные вновь будут копать, да не получилось. В четверг позвонил Виктор, как всегда позитивный и веселый, сообщил, что у него была тяжелая неделя, переговоры в Москве, министры и прочие тёмные личности, о которых он говорил всегда вскользь, попенял, что друзья редко видятся, и предложил устроить шашлык у него на даче. Алексей с радостью согласился, отложив раскопки, потому что все равно трава стояла уже высокая, а места у воды, где они с Мишей находили монетки и нательные кресты, были хожены-перехожены. Тем более что у Виктора под дачей стоял катер и, в принципе, если попросить, то он мог бы отвезти его на то таинственное городище.

В пятницу вечером друзья, кто смог вырваться от жен и детей, работы и бытовухи, скажем так, немногие, собрались в гостевом доме у Виктора. Напитки были в избытке, беседа завязалась о политике, заводил тему Костя, что всегда был в оппозиции к власти.

– Лучше раньше жилось мне, вот зуб даю, – кричал он, разгоряченный дорогой водкой Виктора.

– Да чем лучше-то? – вопрошали те, кто еще мог вопрошать.

– Раньше все было правильно. Все работали, получали деньги, никто не воровал.

– Ну, просто раньше ты был маленький и много не знал, Кость, – увещевал его Алексей.

– Нет, все не так! Лучше было, душевнее, ну, понимаете... – Костя не находил слов, но был уверен в своей правоте.

– Ну чем лучше, Костян? – умильно улыбаясь, спрашивал Виктор. – Ну у тебя тогда ничего не было, а сейчас – квартира, машину покупать собрался, работа денежная вроде.

Костя соглашался с доводами, выпивал водки и вновь бросался в атаку, мол, не все так хорошо. Риторике ему не хватало, Костя брал горлом и необузданной страстью к спорам. В итоге все изрядно набрались, спор не был закончен, но благодушие и легкость, вперемешку с юмором, которые всегда ореолом окружали Виктора и всех вокруг него, закономерно победили.

Наутро выпив кофе, он вспомнил, что взял с собой книги, которые утащил весной из старого дома, давно уже распиленного на дрова. Алексей еще раньше решил их отдать историку Андрею, потому что ему они были не нужны, и привез их в надежде встретить его в теплой компании, но Андрей не приехал, сказавшись больным. Друзья собирались с удочками на берег на рыбалку, Виктор согласился подвезти их на катере к местам хорошего клева. Алексей попросил отвезти его подальше, рыбачить он не хотел, а металлоискатель был при нем, и катер хозяина дачи, а может быть, и жизни, спокойно мог домчать его до таинственных Бутыр.

Виктор, забросив рыбаков с бутылкой водки и закуской на безлюдный берег, лихо взревел мотором дорогого американского катера и выскочил на волну, раздуваемую северным ветром на разливе Камского водохранилища. Катер скакал, как козел, Виктор смеялся и специально налетал на волну так, чтобы брызги заливали сжавшегося в комок Алексея, который, в отличие от хозяина, не любил экстрим. Искомая точка, определенная по крутому навигатору катера, появилась неожиданно, Виктор под указующий крик Алексея лихо развернул катер и причалил. От неширокой линии песка начинался обрывистый высокий берег.

– Ну, приехали, часа два тебе хватит? Я вернусь тогда в это время, – напутствовал Виктор Алексея и, красиво развернувшись, поскакал по волнам в обратном направлении. Алексей проводил катер друга взглядом и повернулся к берегу. Влезть на кручу, на первый взгляд, не представлялось возможным. Поискав, Алексей увидел распадок, лощину, заросшую кустарником; она спускалась к песчаной отмели берега, разрезая глиняную кручу. Цепляясь за кусты, кое-как Алексей взобрался на берег, поросший высокой травой. Берег был пуст. Побродив полчаса среди борщевика и трав, которых давно не касалась коса крестьянина, он, наконец, наткнулся на остатки жизнедеятельности человека. Это была большая яма, выложенная по краям плоскими известняковыми камнями. Описание Митьки подтверждалось, это были остатки подвала крепкого крестьянского дома. Алексей спрыгнул в яму, наладил металлоискатель. Вся яма пищала на разные голоса. Лопата вонзилась в землю, черенок трещал от напряжения, пот с лица струился градом, через несколько минут борьбы с камнями лезвие ударило о металл.

«Вот он, клад, вот, там явно горшок с золотом или сундук, сейчас, сейчас», – судорожно неслись мысли в голове у Алексея, а руки усердно обкапывали находку. Еще немного времени – и из земли вывернулся чугунный горшочек с обломанным краем. Алексей схватил его и начал счищать грязь снаружи, потом пятерней залез в горлышко. Но его постигло разочарование: кроме земли в горшке ничего не было. Дальнейшие раскопки принесли пару толстых проволочек, металлическую трубу и две мятые консервные банки. Но он не сдавался. Рядом с первой ямой были еще две, густо заросшие по краям крапивой. Еще час труда принес несколько неопознанных ржавых обломков и громадный рельс, который Алексей так и не смог выковырять из грунта. Весь в поту, Алексей вылез из ямы и сел передохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.